

АРНЕ ДАЛЬ

В ТОЛЩЕ ВОДЫ

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ШВЕДСКИЙ ДЕТЕКТИВ ВЫСЧАЙШЕГО КАЧЕСТВА
И БЕЗ ЕДИНОГО ПРОХОДНОГО ЭПИЗОДА.

POLITIKEN

Арне Даль

В толще воды

Серия «Детектив Сэм Бергер», книга 3

Серия «Триллер по-скандинавски»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51737243

В толще воды: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-114140-0

Аннотация

Сэма Бергера обвиняют в убийстве, которое он не совершал, а его партнер Молли Блум лежит в коме. Сэм скрывается на далеком затерянном острове, ожидая указаний службы безопасности и проводя свое собственное расследование. Между тем Стокгольм находится под угрозой теракта, безжалостный убийца продолжает орудовать на свободе. Вот только непонятно, какую роль в этой истории играет Бергер. Ключ ли он к разгадке – или главная опасность?

В этом напряженном триллере Даль вновь проявляет свое мастерство рассказчика и литератора, показывая нам зыбкий, неустойчивый мир, где нет ориентиров и опор. Вместе с Сэмом Бергером читатель окажется в толще воды, беспомощно барахтаясь и отчаянно стремясь выплыть к свету.

Содержание

I	5
1	5
2	21
3	30
4	36
5	48
6	54
7	63
8	71
9	78
10	86
11	97
12	103
13	114
II	119
14	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Арне Даль

В толще воды

Arne Dahl

MITTVATTEN

© Arne Dahl, 2018

© Констанда О., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

I

1

Понедельник, 30 ноября, 8:10

Коридор был окутан тьмой. Однако Бергеру удалось приметить муху, медленно ползущую по потолку; он долго следил за ней взглядом. И лишь отведя глаза, понял, что это пчела.

Различить глазок удалось без труда, хотя единственную лампочку в коридоре едва ли можно было назвать освещением. Маленький, круглый, приделанный на уровне глаз на закрытой двери, отделяющей его от второго мужчины. Оба прижались к холодной и сырой бетонной стене по разные стороны от двери, у обоих в руках оружие на взводе. В тусклом свете пожилой мужчина вперил ледяной взгляд в Бергера и уверенно кивнул. Не опуская оружия, Бергер достал из кармана что-то похожее на лупу. Бесшумно поднес к дверному глазку и заглянул внутрь.

Несмотря на искаженную перспективу, квартира хорошо просматривалась. Прихожая плавно переходила в гостиную. Казалось, в несмелой предрассветной дымке ноябрьского утра по направлению к большим окнам движутся два гигантских орла. Они все приближались и приближались, как в за-

медленной съемке, и на мгновение возникло впечатление, будто эти черные силуэты действительно парят в воздухе, несомые воздушными потоками. А потом орлы приобрели очертания людей, которые постояли несколько секунд не шевелясь. Один из них поднял руки, показал десять пальцев, затем девять, восемь. Бергер быстро засунул похожий на лупу предмет в карман и достал отмычку. Стараясь действовать как можно тише, вставил ее в замок, и она тревожно зазвенела, пока он пытался нащупать невидимые зубчики и бороздки.

Шесть, пять, четыре. Отмычка не цеплялась. Впервые за десятки лет отмычка не подходила. Три, два. Тут он поймал нужное положение, и замок с щелчком открылся. Подняв оружие, Бергер распахнул дверь в квартиру. В ту же секунду двое одетых в черное людей вломилась через балконную дверь. У каждого в руке было по автомату. Они бесшумно скрылись в левой части квартиры. Бергер прокрался направо, совершенно бесшумно и не опуская оружия. Остальная часть гостиной: камин, диван, кресло, тележка для напитков. На журнальном столике рядом с креслом – толстая книга. По-прежнему с пистолетом наготове, Бергер подошел ближе. На книге лежали очки с необычайно толстыми линзами. А книга оказалась собранием сочинений Шекспира на английском языке.

Ничего не трогая, Бергер поднял глаза. На стене висела единственная картинка, фотография какого-то пейзажа.

Волшебный свет заходящего солнца освещал холм, поросший кипарисами и соснами, пара белых домов, несколько осликов с опущенными головами, ряд ульев, тянущихся вдоль склона, и усеянный желтыми цветами луг, простирающийся до самого моря, поблескивающего вдали. Бергеру показалось, что он узнал Гибралтар. Он вернулся к книге, присел на корточки, внимательно осмотрел очки, заметил закладку между тонкими страницами книги, но трогать ничего не стал.

– Сюда! – раздался приглушенный крик.

Бергер встал, обернулся. Пожилой мужчина стоял в прихожей, устремив на него взгляд; его короткостриженные волосы напоминали примагниченную железную стружку. Звали его Август Стен, он возглавлял отдел разведки Службы государственной безопасности Швеции, или СЭПО.

Бергер и Стен направились в ту сторону, откуда послышался голос, прошли через кухню и оказались в коридоре. Из дальней комнаты доносились обрывки разговора. Бергер вошел.

На плечах одетых в черное людей висели автоматы. Бергер не без скепсиса взглянул на внешние ресурсы Августа Стена.

– Квартира в безопасности, – произнес Рой Гран.

– Но она же сидела тут, – ответил Кент Дес, обводя жестом явно оснащенные звукоизоляцией стены комнаты без единого окна.

Бергер огляделся. Совершенно безликая комната; пол-

ная противоположность соседней уютной гостиной. Никаких следов от цепей, кожаных ремней или приспособлений для капельниц, однако это вовсе не означает, что ничего особенного здесь не происходило или что тут не принимали наркотики. Ничего не говорящая пустота.

А вот гостиная казалась куда красноречивее. Бергер опустился на колени перед не застеленной мягкой кроватью. Склонив голову набок, он внимательно осмотрел подушку и в медленно нарастающем утреннем свете различил по меньшей мере три длинных черных волоса.

– Наш друг не очень-то старается замести следы, – заметил он.

– А зачем? – откликнулся Август Стен. – Единственное, что ему нужно скрыть, – это куда он ее перевез.

Бергер услышал слабое жужжание. Он поднял глаза и увидел пчелу, летящую под самым потолком. Та же самая пчела? Бергер пошел за ней и, пройдя через кухню, снова оказался в гостиной. Остановился у кресла. Надел перчатки. Снял очки с книги. Открыл заложённую страницу. Не убирая закладки, посмотрел на текст.

«Гамлет». Третий акт. Закладка словно указывала на самую известную фразу в мировой литературе:

Быть или не быть...

Бергер вернулся к фотографии на стене, внимательно взгляделся в нее. Море, скала, цветочный луг. Улы на склонах.

Ульи.

Снова зажужжала пчела. На этот раз звук был иной, как будто удвоенный. Бергер поднял глаза. Теперь в углу на потолке сидело целых два насекомых.

Неужели пчелы еще живы в конце ноября? Это в Стокгольме-то?

Быть или не быть...

– Он разводит пчел, – сказал Бергер.

Кент и Рой посмотрели на него скептически, Стен – безо всякого выражения.

– Как это? – спросил наконец Рой. – Прямо здесь?

– Вряд ли, – ответил Бергер.

– А разве это не мода такая? – поинтересовался Кент. – Разводить пчел на крыше дома?

– Черт возьми! – выругался Рой.

Стен поднял брови. Потом сказал:

– Три выхода на крышу. Лестничная клетка, пожарная лестница и через балконы. Гран, можешь подняться еще на два этажа?

Рой бросил взгляд в сторону балкона, где виднелись две свисающие с верхнего этажа веревки. Кивнул. Стен продолжал:

– Дес, на тебе пожарная лестница. Бергер, лестница в подъезде. Мне нужна общая картина. Действуем скоординированно. Обо всем сообщайте мне. И ждите моих указаний. А теперь вперед.

Рой вышел на балкон, Бергер с Кентом выбежали через входную дверь. Кент ринулся к пожарной лестнице, а Кент зажег свет и направился прямо по коридору. Подошел к лестнице, увидел, как по стене ползет пчела.

Тут возможно только два варианта. Либо пчелы просто сбежали, либо они – приманка. Если они сбежали, то вполне возможно, преступник сидит сейчас наверху вместе со своей жертвой, совершенно неподготовленный. Однако скорее всего, он хотел по какой-то причине заманить их на крышу.

И все-таки подняться надо, другого пути нет. Дополнительные кадры из полиции привлекать нельзя из-за повышенной секретности; Бергер даже не знал, насколько Рой и Кент посвящены в курс дела. Несколько секунд он наблюдал за пчелой, за тем, как она, словно бы бесцельно, ползет по стене. Потом начал подниматься по лестнице.

Грязная плохо освещенная лестница заканчивалась мощной стальной дверью, закрытой изнутри на защелку. Бергер достал рацию и сообщил, где находится. Что-то зашуршало, потом послышался голос Роя:

– Я тоже на месте.

Снова шипение, затем Август Стен:

– У меня полный обзор из соседнего здания. Действительно, на крыше имеется низенький домик, в северо-восточном углу. Ближе к тебе, Гран, метрах в пяти, наверное. Хотя дверь смотрит на тебя, Бергер. От тебя до нее двадцать метров. Пожарная лестница Деса в десяти метрах от домика, на

противоположной стороне.

– Понял, – отозвался Рой. – Кент?

– Пожарная лестница очень шаткая, – пропыхтел Кент. – Мне еще пару минут ползти. Сообщу, когда доберусь.

Повисла тишина.

На лестничной площадке погас свет. На Бергера обрушилась темнота. Тишину нарушило легкое жужжание, на стене появилась красная лампочка, обозначающая выключатель. Бергер потянулся к ней. Снова зажегся свет. Пчела продолжала жужжать, но теперь ее не было видно.

Все замерло в ожидании.

Невыносимом ожидании. Из этого ожидания постепенно выплыл тускло освещенный номер в мотеле; за окнами шумел автобан, сквозь щель в жалюзи проникал скудный свет. В тот вечер Бергер проскользнул в номер со своим жалким пакетом, полным питьевых йогуртов и готовых сэндвичей с заправки, и уже почти успел рухнуть в кресло, но вдруг понял, что оно уже занято.

Сердце ушло в пятки. Послышался голос Августа Стена:

– Так вот что ты называешь «держаться в тени»?

Секунды медленно скользили по лестнице. Бергер провел рукой по груди; контуры бронежилета были ему знакомы не хуже, чем расположение собственных ребер.

Номер в мотеле никак не отпускал его. Вот Бергер лежит в кровати, тяжело дышит, взгляд зафиксирован на Стене, сидящем в кресле.

– Мы, кажется, обнаружили место, где Карстен держит Аишу, – сказал Стен. – Будем готовы завтра утром.

Бергер медленно покачал головой и окинул взглядом обстановку депрессивного номера.

– Что я здесь делаю, черт возьми? – спросил он.

– Ты самый разыскиваемый в Швеции человек. И ты держишься в тени, вот что ты делаешь.

– А ты – один из главных начальников СЭПО, – ответил Бергер. – К которой я никогда не имел никакого отношения. С чего бы ты вдруг стал мне помогать?

– Мы помогаем друг другу, – произнес Стен.

Пчела все жужжала, но не могла заглушить ночную сцену, всплывающую в голове. Бергер уставился на Августа Стена сквозь темноту, так что тот почувствовал необходимость продолжить:

– Теперь ты в моей команде, Сэм. Ты мне понадобишься всерьез, как только я узнаю подробнее о том, что он замышляет. А пока прошу тебя просто подождать. Для тебя готовится конспиративная квартира. Но завтра утром ты мне нужен, без обсуждений.

– А что он, черт возьми, может замышлять? Какой-нибудь теракт?

– Да такой, каких еще не было...

– Ну-ну, – перебил Бергер. – Самый страшный теракт в истории Швеции. Но мне-то о нем ничего не известно. Просто бесит эта ваша дурацкая секретность.

Стен громко вздохнул и откинулся в поеденном молью кресле. Потом произнес:

– Долгие годы Карстен был моим ближайшим соратником, одним из ключевых сотрудников СЭПО. А потом оказался предателем, виновным в государственной измене, которого я так долго искал. Он похитил Аишу Пачачи по той же причине, по которой убил твою коллегу и друга, Сильвию Андерссон, Сильян. Чтобы добраться до моего важнейшего агента – отца Аиши, Али Пачачи, человека с целой сетью контактов. Иными словами, он похитил Аишу, чтобы заставить молчать Али.

Там, лежа на кровати унылого номера дешевой гостиницы, Бергер почувствовал, к своему ужасу, как в нем снова просыпаются полицейские инстинкты.

– А все потому, что Али вот-вот раскроет, каким образом планируется совершить крупнейший в истории Швеции теракт?

– Да, – кивнул Стен. – По моей версии, международная террористическая организация пытается заставить Али замолчать и для этого подкупила Карстена. Скорее всего, речь идет об ИГИЛ, Исламском государстве, но точных сведений пока нет.

Бергер огляделся по сторонам, но в мрачном номере зацепиться взглядом было не за что. И не за кого, если не считать начальника отдела СЭПО.

– Так значит, это из-за Карстена я оказался в таком дерь-

ме? – спросил Бергер. – Из-за него меня разыскивает вся Швеция? «Разыскивается бывший полицейский, убивший подозреваемого». Выстрелил в убийцу из моего старого служебного пистолета. Зачем, черт возьми?

Стен покачал головой.

– Пока не совсем ясно. Но он что-то испытывал к Молли Блум. Как ты помнишь, за вами следил. Но в его отчетах проскальзывал странный подтекст, я это понял уже потом, когда прочитал все подряд. Он называл вас мужчиной и женщиной, только обозначал это символами.

– Символами?

– Да, вот такими, – сказал Август Стен, вынимая ручку и рисуя на последней странице газеты.

Взглянув на символы – ♂ и ♀ – Бергер поднял брови. Август Стен продолжал, показывая:

– ♂ – это ты, Сэм, а ♀ – Молли.

– Молли, которая лежит в коме с моим ребенком в утробе, – произнес Бергер мрачно и покачал головой.

Стен приподнялся в потертом кресле и похлопал Бергера по колену. Это было несколько неожиданно.

– У нас перед Карстеном большое преимущество, – сказал он голосом, которого Бергер никогда раньше не слышал. – Он, без сомнений, очень опасный человек – думаю, мы с полным правом можем назвать его натренированным профессиональным убийцей, – но он вот-вот ослепнет. У него прогрессирующая болезнь глаз – пигментная дистрофия сетчат-

ки. И завтра нам представится идеальный шанс поймать его. Для этого мне нужен ты, Сэм.

Мне нужен ты, Сэм, думал Бергер, стоя на безликой лестнице высотного дома перед безликой дверью, в ожидании, которое все больше казалось бесконечным. Резким рывком он вернулся в настоящее, проверил оружие, на удивление ритмично подрагивающее в руках, видимо, в унисон с биением сердца.

Его единственная надежда была связана с тем, что Карстен стремительно слепнет.

Полная тишина, лишь слабое жужжание пчелы. Все более отдаленное, монотонное.

И тут зашипела рация.

– На месте, – слышался голос Кента.

– Ну все, – отозвался Стен. – Три. Два. Один.

Бергер распахнул дверь и выглянул наружу. Слабый свет восходящего солнца над крышей. Все по-прежнему в полумраке. В двадцати метрах справа виднелся маленький домик, похожий на комок бетона. Бергер заметил Кента, наконец поднявшегося по пожарной лестнице и теперь бегущего к домику. В то же мгновение Рой подтянулся на своей веревке и перелез через низкий кирпичный бортик на краю крыши.

Бергер бросился к домику. Он был там, но в то же время его там не было, ему казалось, что он странным образом отстранился от происходящего и наблюдает с безопасного рас-

стояния. Не хватало только выстрелов.

Рой оказался у домика первым, почти сразу подбежал Кент, потом Бергер. Он видел, как Рой поднял ногу, открыл дверь и скрылся внутри. Кент подошел следом, его тело задержалось во всех направлениях, потом он тоже шагнул внутрь.

И вот Бергер совсем близко. Он почувствовал резкую боль в шее, словно кто-то открыл стрельбу из бесшумного оружия. Бергер замедлился, схватился за шею, и тут что-то вонзилось и в руку. Он был уже совсем близко к приоткрытой двери, когда Кент вывалился из домика, странно и дико извиваясь. Он заметался из стороны в сторону, пистолет полетел куда-то по широкой дуге, как в замедленной съемке. Кент опустился на колени, бросился вперед, перекатился через голову. Жужжание все усиливалось. Бергера охватила боль, сверлящая боль, быстро распространившаяся по всему телу, обжигающая руки и ноги.

Из дому вышел некто, похожий на зверя, медведя на задних лапах. Существо подняло вверх руки, точно в молитве, но только это были не руки, а лапы, покрытые густой ворсистой шерстью. Остальное тело выглядело так же: распухшее и волосатое. Однако у этого существа оказалось белое как мел человеческое лицо, череп с горящим взглядом. Жужжание все нарастало, и до Бергера наконец дошло, что он видит.

Это было лицо Роя, а все его тело было облеплено пчелами.

Рой направился к краю крыши, миновал место, где крепилась веревка. Он шел тяжелыми шагами, словно космонавт, высадившийся на луне. Перелез через кирпичный бордюр, отделяющий крышу от пропасти. Бергер услышал собственный крик, но голос звучал словно чужой:

– Остановись, черт подери!

Но Рой продолжал движение, как будто им управляла некая сила, более могущественная, нежели собственная воля. Наконец он сделал неизбежный шаг через край.

Он словно воспарил. На короткое мгновение, показавшееся вечностью, у Бергера возникло ощущение, будто тело Роя зависло в воздухе под мерное жужжание пчел, нарушив все законы притяжения, словно понятий «верх» и «низ» больше не существовало.

Затем пчелы, как по команде, покинули тело и воронкой взмыли вверх.

В этот миг Бергер заглянул в глаза Роя и увидел смерть. Он смотрел прямо в лицо смерти. А потом Рой упал.

Бергер услышал собственный вопль. Он поплелся к краю крыши. Боль, отпустившая несколько секунд назад, вернулась с новой силой. Кент больше не катался по крыше, он поднялся, резкими движениями очищая тело. Вместе они шагали к краю крыши. К тому месту, откуда упал Рой. Уже у самого бордюра Бергер повернул голову и увидел огромный рой пчел, вырывающийся из приоткрытой двери домика и формирующий темную тучу над из без того мрачным горо-

дом.

Бергер и Кент обменялись взглядами. Кент снял пчелу с бледной щеки и кивнул. Они посмотрели вниз.

Израненное тело Роя лежало на парковке, в тридцати метрах от них.

Наполовину на каком-то автомобиле.

Кент издал нечеловеческий звук.

– Бергер! – взревела рация. – Медицинская помощь в пути. Следите за домиком.

Бергер медленно поднялся и отошел от рыдающего от горя и боли Кента. Отцепляя пчел со всех открытых частей тела, Бергер вдруг ощутил странное головокружение. Пошатываясь, он направился к маленькому домику. Прижался к бетонной стене, быстро заглянул внутрь и тут же высунил голову. Там никого, никаких потайных помещений. По меньшей мере, шесть открытых ульев. В домике осталось лишь несколько лениво жужжащих пчел; наверное, можно зайти. Бергер крепче сжал пистолет и вошел внутрь. Замахал руками, чтобы выгнать последних пчел. Огляделся. Помимо ульев там имелся стол, стул – и больше ничего. Вряд ли Аишу держали здесь, единственной целью Карстена было заманить их наверх. Для того чтобы вывести их из строя? Или убить? Вряд ли, Карстен не садист. Большой любитель природы, да. Изменник родины. Безудержный, да. Но рационально мыслящий. Значит, имелась какая-то другая причина.

Пол, потолок, стены – ничего. Совершенно безликое пространство. Значит, разгадка содержится в ульях или лежит где-нибудь на столе. В ульи Бергер лезть не собирался, ему уже хватило близкого общения с пчелами.

Только сейчас он заметил, что на маленьком столике осталось несколько пчел. Они вели себя спокойнее, чем их сородичи: ползали строго по прямоугольнику примерно дециметровой ширины. Бергер достал пистолет и смахнул пчел с поверхности. Оказалось, под ними лежал листочек бумаги. Бергер не стал трогать его, но про себя отметил, что бумажка посыпана чем-то сладким и липким. Чем-то, что обычно любят пчелы.

Похоже на маленький конверт. Такой, в какие обычно кладут поздравительные открытки. Бергер смахнул последних пчел, но, вопреки своим инстинктам, оставил конверт лежать в ожидании криминалистов из СЭПО. И тут он заметил выдвижной ящик в нижней части стола. Бергер присел на корточки и начал осторожно выдвигать его.

Раздался оглушительный хлопок. Бергера отбросило сокрушительной волной. Полный шок, тело пронзила боль. В глазах потемнело.

Последней мыслью, которая пронеслась в голове, прежде чем Бергер провалился в бесконечное небытие, было: какая ужасная смерть.

А потом наступила темнота.

Бергер не был уверен, что жив, когда открыл глаза и уви-

дел ледяной серой взгляд в обрамлении седых, короткостриженных, с металлическим блеском волос.

– Лучший шпион – это, конечно, кастрированный шпион, – произнес Август Стен. – Но зачем же так резко.

– Что? – пропыхтел Бергер.

– Если бы ты не присел на корточки, тебе бы оторвало член.

Бергер взглянул на свой бронежилет. Было отчетливо видно, куда попала пуля. Прямо в сердце.

– Вот черт, – выругался он.

Стен протянул ему руку, Бергер схватился за нее, поднялся на ноги, пронзаемый целым каскадом болевых лучей. Стен подвел его к выдвинутому ящику. Внутри, за отстреленной панелью, лежал закрепленный пистолет с натянутой на курке стальной проволокой. Бергер тут же узнал оружие. *SIG-Sauer P226*. Скорее всего, его же, Бергера, служебный пистолет. К дулу была приклеена маленькая бумажка с надписью от руки, короткой и предельно ясной:

«Бабах!»

– Карстен охотится за тобой, Сэм, – сказал Стен. – Настало время спрятать тебя по-настоящему.

Бергер бросил последний взгляд на конвертик, глубоко вздохнул и поплелся к двери. Стен догнал его и подхватил под руки, чтобы тот не упал.

В свинцово-сером ноябрьском небе медленно приближался казавшийся нереальным вертолет скорой помощи.

2

Понедельник, 30 ноября, 9:30

Органы чувств не работали. Все качалось. Звук приближающегося вертолета все больше напоминал жужжание пчелы.

Бергер сидел на крыше, болевые ощущения разной природы разрывали все его существо, он не мог понять, где заканчивается тело и начинается душа.

Словно в тумане он видел, как Август Стен достал из сумки бинт, развернул его и подошел ближе.

– Тебя заберет вертолет, – сказал Стен, перевязывая Бергеру голову. – А ведь ты по-прежнему самый разыскиваемый в Швеции человек, тебя не должны увидеть.

На них налетел ветер от идущего на посадку вертолета. Словно в замедленной съемке Бергер увидел, как Стен уронил бинт, тут же развернувшийся от ветра. Бинт развевался подобно длинному вымпелу, пока Стен не выпустил его из рук, и тогда, подхваченный ветром, бинт поплыл над крышами высоток, как одинокий парус. Стен достал новый бинт, на этот раз стиснув его крепче. Наложив Бергеру повязку, он сказал:

– Ну что ж, держись, я приеду за тобой в больницу Седер.

В вертолете Бергер сидел один, скрючившись в углу. Его мутило, грудь болела от выстрелов, тело горело от пчели-

ных укусов. И все же он чувствовал себя значительно лучше остальных пациентов, находящихся на борту.

Две половинки растерзанного тела Роя Грана были накрыты пропитанным кровью одеялом. Кент Дес периодически приходил в себя и стонал от боли и горя, иногда переходя на вой. Бергер блокировал все попытки выплыть на поверхность, поскольку снаружи болело не меньше, чем внутри. Медбрат водил в воздухе все еще не использованным шприцем с морфием, словно писал невидимые картины.

Бергер, кажется, видел похожие сцены в каких-то фильмах о войне. К горлу подступила тошнота, его чуть не вырвало прямо на закрывающий всю голову бинт, но он вовремя сообразил, что надо смотреть в окно.

Он уже давно заметил, что вид воды оказывает успокаивающее действие на его внутренности. Бергер долго смотрел на водную гладь, прежде чем различил залив Ульвсундашен, мост Транеберг и остров Лилла Эссинген. А потом и остров Реймешольме, мост Лильехольм, залив Орставикен. Вода сопровождала вертолет до самой крыши с круглой площадкой, посреди которой был нарисован плюсик и буква В. Вертолет приземлился прямо на букву, практически не снижая скорости.

Потом все происходило быстро.

Носилки с Роем выкатили и увезли. Кента, чье крупное тело поддалось наконец действию морфия, унесли в больницу.

Бергер остался один. Пилот выпрыгнул из кабины, лопасти пропеллера постепенно остановились, а Бергер все сидел в своем углу с забинтованной головой. В конце концов к нему заглянул одетый в белое мужчина и кивком позвал за собой. Бергер нащупал сумку, и они вместе вошли в огромное здание больницы. Санитар ни разу не оглянулся и не посмотрел на Бергера.

Такой же «теплый» прием ждал Бергера и в больнице, где его посадили в занавешенный шторкой уголок так надолго, что он постепенно перестал понимать, сколько времени уже прошло. А времени прошло много. Невероятно много. Часы сменяли друг друга, а потом он перестал их считать.

Он ощупал свое тело. Больше всего было от выстрела, в том месте, где пуля от *SIG-Sauer P226* ударилась о бронежилет, но ребра вряд ли сломаны. Степень поражения от пчелиного яда оценить сложнее, но и тут едва ли имеются веские основания для госпитализации. Значит, Август Стен поместил его сюда по какой-то другой причине. Может, потому что тут безопаснее всего? Пока для него готовят конспиративную квартиру? И перевозят туда его вещи? Из дома? Значит, они побывали у него? Значит, сотрудники СЭПО расхаживают у него дома, пока он сидит тут как овощ?

Сам он уже очень давно не бывал дома. Хотя, скорее, по ощущениям казалось, что давно. На самом деле, вряд ли больше месяца. Скорее всего, меньше.

А время все шло, час за часом. Бергер пытался думать,

пытался укротить хаотичный поток мыслей.

Если Карстен обустроил на крыше целый улей с единственной целью – прихлопнуть его, Сэма Бергера, то разве можно быть уверенным в полной безопасности тут, в больнице? Ведь что может быть проще: проникнуть в приемное отделение больницы Седер и за шторкой всадить пару пуль из пистолета с глушителем в обычного пациента. Вероятно, обнаружилось бы все далеко не сразу.

И тут шторы действительно раздвинулись.

Бергер увидел Карстена, неуловимый взгляд сощуренных глаз под толстыми очками, направленный на Бергера пистолет, едва заметная улыбка на лице Карстена – неужели это последнее, что Сэм Бергер унесет с собой в царство мертвых?

Однако это вошел не Карстен. Но и не какой-нибудь врач. Это был мужчина, чьи короткостриженные волосы напоминали железную стружку вокруг магнита.

– Пойдем отсюда, – коротко произнес Август Стен.

И они ушли. Бергер молчал, Стен тоже.

В самом укромном уголке больничной стоянки они сели в автомобиль и отправились на юг, к выезду из города. Когда начало смеркаться, Бергер понял, как долго он на самом деле просидел в больнице в ожидании врача, который так и не пришел. Который и не собирался приходить.

Когда они уже проезжали Ханинге, Стен сказал:

– Этот ублюдок убил Роя.

Бергер сидел, уставившись в одну точку. Он видел перед собой безумно раскачивающееся тело, облепленное пчелами. А потом – две половинки этого тела на парковке.

Да, с Карстеном шутки плохи.

И он определенно охотится за Сэмом Бергером.

Стену, очевидно, хотелось поговорить.

– Прости, что заставил ждать, – произнес он.

Бергер засмеялся совсем не веселым смехом. Стен продолжал:

– Я был вынужден ускорить процесс. Торопился, как мог.

– Куда мы едем? – спросил Бергер.

– Тебе придется самому управлять лодкой, – сказал Стен.

Бергер вытаращился на него.

– Я знаю, ты это умеешь, – продолжал Стен. – Знаю, что ты любишь воду. И знаю также, что в детстве ты почти каждое лето проводил в Стокгольмских шхерах.

– Похоже, тебе известно больше, чем мне, – проворчал Бергер.

– Вода действует на тебя успокаивающе, – добавил Стен.

Бергер покачал головой, и Стен поспешил заверить:

– Не волнуйся, это совсем не трудно, современные навигационные приборы почти всю работу сделают за тебя.

– И что, я буду просто так там сидеть? В каком-нибудь изолированном от мира конспиративном местечке?

– У меня для тебя очень важное задание.

– И ты мне о нем, конечно, ничего не расскажешь? Опять

отделаешься жалкой формулировкой, что все это якобы связано с «самым страшным терактом в истории Швеции»?

– Пока ничего сказать не могу, – ответил Август Стен. – Но все это время ты должен любой ценой держаться в тени. Стать невидимкой *по-настоящему*. Это означает, что сегодня – единственный раз, когда ты воспользуешься лодкой, больше – никогда, только в экстренном случае. Навигатор приведет тебя к лодочному домику, заведешь туда лодку и оставишь ее там.

– Лодочному домику? – воскликнул Бергер.

– Да, это настоящий элинг, – подтвердил Стен с каменным лицом. – Куда загоняют на зиму катера. Пришвартуешься там и будешь ждать. На хуторе полно деликатесов, есть защищенная сеть и множество книг. Так что воспринимай это как оплачиваемый отпуск. У тебя есть хобби?

Бергер не смотрел на него, просто сидел, уставившись перед собой.

– Часы, – вымолвил он наконец. – Часовые механизмы.

Август Стен расхохотался.

Остаток пути оба молчали.

Они въехали в Нюнесхамн, пересекли город, выехали из него. По ощущениям, это был уже край света.

Йестхамнен выглядел негостеприимно. Вероятно, море здесь казалось таким темным и безжалостным по контрасту с уютными огоньками близлежащих островов.

А может быть, мир казался таким пустынным, потому что

они были тут одни. Они пошли по пристани, лодки раскачивались, словно колыхаемые самой темнотой.

Слава богу, без дождя, да и ветер был не особенно сильный. Единственное, что пугало, так это крошечная тьма. Ну, и еще тот факт, что Сэм Бергер уже очень давно не управлял моторной лодкой. Особенно зимним вечером.

Они остановились. Бергер поставил сумку, Стен протянул ему iPad. Бергер взял его в руки, посмотрел на выключенный экран. Стен провел по дисплею пальцем, появилась карта.

– GPS-навигация, все ясно, как день, – сказал Стен. – Маршрут построен таким образом, что тебе не о чем волноваться. Ничего тебе не грозит, гарантирую.

– Ты что, сам его проверял?

– Багаж из твоего дома тебе сюда доставит вертолет. В ближайшее время рядом с хутором приземлятся четыре коробки с твоими вещами.

– А ты что будешь делать? И вообще, СЭПО? Найдете Карстена, прежде чем он найдет меня?

– Не льсти себе, – осадил его Стен. – Не такая уж ты важная персона. Конечно, мы его поймаем, расследование идет полным ходом. Хотя мы его ловим, прежде всего, для того, чтобы освободить Аишу Пачачи и тем самым развязать язык Али Пачачи. Пока Аиша не найдена, он не будет говорить. Я – единственный человек во всем мире, кто знает, где находится Али. До сих пор наш крот ждал, что Али выйдет на связь, предположительно, предложит поменяться с дочерью

местами. А теперь Карстен, похоже, переходит к активным действиям, он собирается сам разыскать Али Пачачи. Понятно, что след, который завел нас в ловушку на крыше, был тщательно спланирован. Он хотел заманить нас туда, чтобы посмеяться над нами.

– Вы поймаете Карстена, получите информацию от Пачачи, а я буду действовать в соответствии с этой информацией? Так ведь обстоит дело? И тогда мы снова возвращаемся к вопросу номер один: почему именно я?

– Ты действительно хочешь обсудить это именно сейчас? – спросил Стен. – Можно было задать все вопросы, пока мы ехали на машине.

– Да, я хочу знать. Иначе просто никуда не поплыву.

– И что ты тогда собираешься делать? Будешь прятаться в очередном лодочном домике? Сбежишь из страны?

– Почему? Именно? Я?

Август Стен вздохнул и подвел его к мощному, но компактному катеру с сильным мотором.

– Ты обладаешь уникальной квалификацией, которая окажет нам колоссальную помощь, когда придет время, – проговорил наконец Стен.

– Уникальной квалификацией? Я?

– А еще ты до сих пор не ответил на вопрос, – добавил Стен, протягивая Бергеру его пистолет и прочую амуницию. – Он был задан всерьез.

– Что еще за вопрос, черт возьми? – спросил Бергер, пря-

ча пистолет.

– Есть у тебя какое-нибудь хобби?

Вторник, 1 декабря, 10:21

Он рассекал поверхность воды, только что покрывшуюся тонкой корочкой льда. Еще сидя в вертолете, Бергер заметил краем глаза, что некоторые участки гладкой поверхности поменяли цвет. Создалось ощущение, будто он за какую-то миллисекунду увидел, как отдельные атомы водорода тянутся к чужим атомам кислорода, образуя исключительно хрупкую поверхность.

Которую он теперь рассекает своим телом.

Шок от холода оказался таким же сильным, как он и предполагал, но одно дело знать в теории, и совсем другое – испытать на себе. Бергера просто накрыло холодом. Мороз словно вжал и без того плотно прилегающий гидрокостюм в его застигнутое врасплох тело. Вода обняла его со всех сторон, пытаясь заморозить и сохранить для потомков, которые будут удивленно разглядывать не менее удивленного древнего человека, застывшего в ледяной глыбе. Ученые разморозят его, и он, все с таким же озадаченным выражением лица, уплывет в безвоздушное пространство, где будет вращаться вокруг искусственно созданной планеты, давно заменившей уничтоженный земной шар.

Эта неожиданно возникшая в сознании картина подействовала успокаивающе; кроме того, вначале его плавание

действительно напоминало движения космонавта в открытом космосе. Он жадно глотал плотный воздух из баллона, чувствуя боль в грудной клетке, ровно в том месте, куда совсем недавно ударила пуля. Кажется, в этот момент он вспомнил, почему в свое время решил распрощаться с презирающим смерть увлечением.

Вот и хобби: дайвинг. Рука, глядящая огромную рыбину с желтыми и синими полосками и вывернутыми губами. Отливающее позолотой воспоминание оказалось таким ярким, словно не было этих пятнадцати лет, прошедших с того момента, когда Сэм Бергер в последний раз ощущал резиновый привкус мундштука от трубки во рту. Стерлось воспоминание о шоке от холода, как и многие другие факторы, из-за которых он уверенно и без колебаний отложил оборудование для дайвинга на дальнюю полку после сказочного отпуска в Индонезии, близ Ломбока.

Растительность на лице под прочным стеклом маски тогда была гораздо более редкой и не раздражала так сильно. Теперь коричневые с проседью усы, составляющие одно целое с бородой, наполовину закрывали обзор и грозили тем, что маска в любой момент начнет пропускать воду.

Когда Бергеру удалось наконец выглянуть из-под густой растительности на лице, перед ним открылся удивительный мир.

Сверху водная гладь казалась такой темной, как будто ныряешь в ведро со смолой. К тому же день выдался хмурый,

серый – типичное первое декабря, – и Бергер особенно не надеялся рассмотреть что-либо на дне бескрайнего Балтийского моря. Однако свет, который все равно просачивался, преломляясь, сквозь медленно нарастающую ледяную корку, обнажал серо-зеленый мир морских формаций и плавно покачивающихся водорослей, производящих на него чарующее впечатление. Мимо проплыла маленькая стайка бесцветных рыбок, и Бергер прибавил скорость в пятиградусной воде. Он вспомнил то восхищение, с каким погружался в самые потайные глубины земного шара, бескрайние и загадочные. Наблюдая за тем, как меняется ландшафт дна, Бергер словно рождался заново. А дно все опускалось – без сомнений, он приближался к глубоководному участку.

Бергер не спешил, все время смотрел вперед, следил за тем, чтобы в поле зрения попадали самые отдаленные участки – так обычно учатся водить машину. Впереди пять-шесть метров отличной видимости. И вдруг он понял, что дна не видно. Оно просто исчезло. Бергер остановился, осмотрелся. Потом подплыл ближе. Действительно, дно как будто перестало существовать, сменилось бездонной глубиной.

Он оказался на краю. Странное ощущение, пропасть, в которую невозможно упасть.

Подумать только, он в Швеции, в стокгольмских шхерах, где все такое родное и знакомое, и вдруг эта бездна, за которой – полная неизвестность. Бергер понял, что ему лучше держаться подальше. Но, как это часто бывает, когда знаешь,

что надо держаться подальше, он подплыл ближе.

Бергер заскользил над пропастью, посмотрел вверх, вниз. Ничего не увидел. Подождал. Лишь едва уловимое движение воды вдоль правой ноги, больше ничего. И тогда он осторожно поплыл вниз.

Сначала он не понял, что произошло, отметил лишь малейшее изменение состояния – лицу стало чуть холоднее, вот и все. Но потом сообразил, что стало не только холодно, но и мокро. Усы под маской медленно приподнимались и опускались, как водоросли на морском дне.

Маска пропускала воду.

Это не было похоже на логическое умозаключение. Его тело забилося в панике, в душу ворвался хаос и разорвал ее на части. Он словно погрузился в полный вакуум.

В стопроцентный холод.

Потом какими-то неведомыми путями к нему вернулся рассудок. Он обуздал свои хаотичные движения. Взял под контроль панику. Маску надо очистить от воды, это первое, чему учат на курсах дайвинга. Он попытался вспомнить, как это делается. Приподнял маску снизу, а сам посмотрел вверх и выдохнул через нос. Несколько раз повторил процедуру, пока не убедился в том, что маска более или менее очищена. Подавил вздох облегчения.

Потом огляделся. Посмотрел вверх, вниз, посмотрел вправо, влево. Только ни там, ни там ничего не было видно. Все направления словно растворились. И тогда Бергер по-

нял, где оказался.

В толще воды.

Ни силы тяжести, ни силы выталкивания. Никаких движущих сил. Никаких опорных точек. Любое движение могло привести его к гибели, вынести на поверхность воды или увести в открытое море.

Сэм Бергер просто лежал в воде, в бескрайней пустоте, и каждое его движение могло стать шагом на пути к смерти.

Он полностью потерял ориентацию в пространстве.

Не видел ни дна, никаких других опознавательных знаков, которые подсказали бы ему, где верх, а где низ.

Ухватиться было не за что.

Он как будто оказался в самом центре мирового океана. Словно окончательно потерялся в пустынном бесконечном пространстве.

Зато ему удалось очистить от воды маску. С тех пор, как он пришел в себя и вернул способность здраво рассуждать, прошло всего несколько секунд. Вокруг него беспорядочно кружились пузырьки от его выдоха. На какое-то время Бергер завис в бесконечной пустоте. А потом его словно ударило. Так в голове зарождается мысль.

Воздух укажет ему путь домой.

Он замер. Задержал дыхание, чтобы пространство вокруг него очистилось от пузырьков. А потом как следует выдохнул. Целый поток пузырьков устремился вдруг в строго определенном направлении.

А именно – вниз, вдоль его тела. Он обернулся и увидел, что вереница пузырьков движется вниз.

То есть, по его представлениям вниз.

А на самом деле вверх.

Он снова выдохнул, с силой, и устремился за пузырьками.

Вверх.

Он выбрался из заколдованной бездны и мог теперь различить морское дно; стало ясно: несмотря ни на что, он движется по направлению к дому. Упершись ногами в гладкую подводную скалу, он снова очистил от воды маску.

Самая толща воды.

Он уже успел забыть это чувство – когда все законы природы вдруг прекращают действовать. Он бывал там и раньше, сразу после встречи с сине-желтой полосатой рыбой. И позволил хорошим воспоминаниям вытеснить плохие.

Тогда, в гавани Ломбока, он пообещал себе никогда больше не погружаться на глубину.

Но ему никогда не удавалось учиться на собственных ошибках.

Пока Бергер плыл к своему домику на островке, расположенному в стокгольмских шхерах, он поклялся себе, что забудет о дайвинге навсегда.

Вторник, 1 декабря, 13:44

Сэм Бергер рассматривал водную гладь. Температура вновь превысила нулевую отметку, и тонкая корка льда, которую он пару часов назад расколочил, возвращаясь из глубины моря, практически полностью исчезла. Сэм проводил взглядом последнюю льдинку, которая растаяла у него на глазах.

Потом взглянул на грязно-серый небосвод. Какой безжизненный день. Без просвета, без надежды. Зловещий серый вид, не обещающий ничего хорошего на ближайшие полгода.

Бергер скользил взглядом по островкам, пока не уперся в самый дальний, за которым до самого Готланда простиралось открытое море.

Какое удивительное время. Одно сплошное ожидание. Он провел на острове совсем немного времени, а уже не находит себе места.

Повернувшись, Бергер направился к дому. Остановился на полпути, бросил взгляд на причал. Убедился, что мостки тщательно замаскированы. Почти идеальный камуфляж. А лодочного сарая, куда он загнал моторку после своего ночного путешествия по шхерам, не видно вовсе.

То же самое с домом. Ветви деревьев с нарочитой небрежностью простирались в аккурат над заросшей мхом крышей, а если бы непрошенный гость, вопреки ожиданиям, заметил

бы вход, то все, что скрывается за этой дверью, показалось бы маленьким и заброшенным.

Однако это была иллюзия. Тщательно продуманная и профессионально исполненная иллюзия. Бергер распахнул дверь и вошел в винный погреб. С учетом его вкуса внушительную коллекцию спиртного дополнили парой бутылок дорогого односолодового виски. Пройдя через прохладное, в меру затемненное помещение, Бергер попал в большую комнату. Он называл ее «большой комнатой», хотя, по правде сказать, не знал, как лучше определить то помещение, которое он теперь разглядывал. Совершенно неожиданное открытое пространство, мягкая мебель, обеденный стол, письменный стол. Кухонный уголок, который прятался тут же за углом, полностью оснащенный всем необходимым туалет и баня. На рынке недвижимости за такую «рыбачью хижину с отделкой люкс на отдельном острове» можно получить десятки миллионов. Но ни участок, ни дом не имели никакого отношения к свободному рынку недвижимости. Скорее наоборот. Это было не первое конспиративное жилье СЭПО, где довелось побывать Бергеру, но определенно самое приятное. И его задача заключалась в том, чтобы ждать.

Он пересек большую комнату и подошел к стене, у которой стоял письменный стол. Рядом с огромной картой Стокгольмского архипелага висела доска для записей. На ней было наклеено множество бумажек с различными записями, но все они лишь обрамляли то, что находилось в центре. А по

центру доски висела фотография.

Обычная школьная фотография улыбающейся темноволосяй девочки. Аиша Пачачи, символ неудачи Сэма Бергера. Одна из семи похищенных девочек, которую им с Молли Блум не удалось освободить.

Семь минус один.

Скоро она станет совершеннолетней.

Бергер, разумеется, понимал, что СЭПО ведет широко-масштабную охоту на людей; если бы ему разрешили в ней участвовать, его вклад явно не был бы существенным. И все-таки обидно сидеть тут просто так, в качестве какого-то запасного ресурса, «по-настоящему невидимым», как выразился Август Стен.

Аиша Пачачи. Однажды ее забрал мужчина, который хотел ее защитить. А потом ее похитили во второй раз, на этот раз перебежчик из СЭПО, опаснейший человек по имени Карстен, за которым теперь все охотятся.

Вот так обстоят дела.

Поморщившись, Бергер отвел взгляд от фотографии Аиши. Теперь он смотрел на единственный угол «большой комнаты», где не царил идеальный порядок. Там стояло четыре огромных коробки с запихнутыми кое-как вещами. У Бергера еще больше скривилось лицо. От одной мысли о том, что помощники Стена – и это явно не был не существующий больше дуэт Кент плюс Рой – рылись в ящиках его стола, у Бергера к горлу подступала тошнота. В то же время,

он все понимал. Сэма Бергера разыскивала вся Швеция, поэтому о том, чтобы появиться у себя дома на улице Плуггатан в районе Сёдермальм, не могло быть и речи. И все же он не мог избавиться от стоящей перед глазами картинки: грубая рука роется в нижнем ящике комода в поисках его трусов, равнодушно отбрасывая в сторону детские и женские вещи. Естественно, они привезли много разного хлама, хранившегося в неприбранной гардеробной. Бергер мрачно взглянул на ближайшую к себе коробку. Конечно, ему просто необходим желтый велосипедный шлем, два пульта от телевизора, коробка гвоздей, пара старых школьных альбомов, мягкая игрушка в виде змеи, сломанная ракетка для бадминтона и стопка выпавших страниц из справочника по оказанию первой помощи. Без этих вещей на необитаемом острове никак не обойтись.

Бергер почти не трогал коробки с тех пор, как вертолет доставил их на остров. Занес их в дом, открыл, но почувствовал такое отвращение, что так и оставил их стоять в углу. Вместо этого он достал сумку, которую привез с собой с материка и которая вмещала два начатых дела.

Первым делом он вынул шкатулку с часами. Теперь она стояла перед ним на письменном столе. Бергер не забыл прихватить с собой набор отверток и лупу. На скатерти лежал его легендарный Ролекс *Oyster Perpetual Datejust* пятьдесят седьмого года. Вскрытый, как анатомируемый труп животного. Внутри – идеально скоординированная комбинация ко-

лесиков. Но здесь, на острове, часы, казалось, шли гораздо медленнее, чем обычно, как будто каждая секунда тянулась дольше, чем в реальном мире. В мире, который не был столь беспощадно неподвижным и безжалостно одиноким.

Вторым предметом, который Бергер извлек из сумки, был школьный фотопортрет Аиши Пачачи. Сэм прикрепил снимок на доску. А потом распаковал все остальное. Достал компьютер и весь арсенал Молли Блум, состоящий из весьма таинственных приспособлений: провода и розетки, роутеры и концентраторы. Все то, что в этом лучшем из миров давало ему тот же неконтролируемый доступ к сети СЭПО, которым владела сама Молли в качестве негласного оперативника. До того, как ее избил и порезал этот сумасшедший.

Не сейчас.

Главное – не думать об этом сейчас. Достаточно того, что эти мысли занимают все его ночи и лишают сна. Только не сейчас.

Он не до конца разбирался, как работает все это секретное сетевое оборудование Молли. А значит, серьезно рисковал наткнуться на своего «благодетеля» Августа Стена, если начать подключаться к внутренним сетям СЭПО и втайне преодолеть все уровни безопасности. Бергер был вынужден двигаться осторожными маленькими шажками. У него есть все ее пароли, значит, должно получиться. В любом случае, хоть отвлечется.

Но отвлечься не получалось. Его неугомность невоз-

можно было вылечить, поскольку это было не личное, а профессиональное беспокойство, и справиться с ним можно было только с помощью работы. А тут все-таки какая-никакая работа. Хотя он и продвигался муравьиными шажками.

Для чего бы его ни припас Август Стен, но сидеть здесь сложа руки и стогать от бездействия просто невыносимо. Не в этом заключается его задача. Сэм Бергер никогда не бросал недоделанных задач, даже если они были готовы на девяносто процентов.

Его задача состояла в том, чтобы найти Аишу Пачачи.

Значит, надо разузнать как можно больше о Карстене. А до этого еще далеко.

На самом деле, Бергер не знал о нем ничего.

Кроме стоящих перед глазами картинок. Картинок, которые невозможно забыть. Сюлен с черным носком, торчащим из горла. Убийца с материка, которого прикончили тремя прямыми выстрелами в сердце. Покрытое пчелами тело Роя, парящее в бесконечности, словно в невесомости.

Ни одно из этих воспоминаний не померкнет. Все они будут всплывать в сознании Бергера, пока он сам жив.

Им овладел гнев, жесткий, тяжелый, беспощадный гнев. Надо во что бы то ни стало найти Карстена.

Он просто обязан это сделать.

Бергер взглянул на свою правую руку. Она дрожала от ярости. Он прижал ее левой рукой. Собрал всю волю в кулак, чтобы немного успокоиться и вернуть ясность рассудка.

Раз Карстену удалось стать правой рукой Августа Стена, значит, у него за плечами долгий карьерный путь в СЭПО. Это означает, что органы вывернули его биографию наизнанку и знают его как облупленного. И все же ему удалось обвести их всех вокруг пальца. Стен целый год безуспешно искал крота, а тот находился прямо у него под носом. Все это соответствовало представлению о Карстене, сложившемуся в голове у Бергера, которому доводилось самому с ним встречаться, пусть и мельком, – как о человеке умном и способном на решительные действия. А еще, вероятно, немного безумном – иначе он не продался бы иностранным властям, да не абы каким, а самым опасным – некогда лишь зарождавшемуся, а теперь переживающему свой закат халифату.

Да, Карстен был умен, решителен, безумен, безудержен, жаден и почти слеп – и, по наблюдениям последних месяцев, очевидно, немного влюблен в Молли Блум.

Все это не было новостью для СЭПО. Стен сам рассказал об этом Бергеру. Эти данные уже всю обрабатывались огромной хорошо смазанной машиной. Бергеру нечего было добавить, никакой новой информации, никаких идей, которые показались бы неожиданными. Как бы он ни копался у себя внутри, Бергер не мог обнаружить такой плоскости, в которой у него, бывшего полицейского, разыскиваемого в связи с убийством подозреваемого, было бы преимущество перед СЭПО.

Разве что одно – ему нечего было терять.

Потому что все уже было потеряно.

Он сел за стол, провел ладонью по панели ноутбука и обнаружил, что поиск по-прежнему продолжается. Очередной шаг на пути к системе госбезопасности. Необходимо найти открытый канал; Молли пыталась ему объяснить, но он, по своему обыкновению, слушал вполуха, в какой-то иллюзорной уверенности, что она всегда будет рядом и возьмет техническую сторону на себя.

Но он предал ее. Пара психически больных серийных убийц буквально вырвала ее у него из рук, а он не смог им помешать.

Он допустил это.

Нет.

Не сейчас.

Все равно, как только он уснет, кошмары вернутся.

Бергер снова устремил взгляд на мелькающие на экране ноутбука цифры. Ему трудно было сидеть на месте. Может быть, снова выйти, спуститься к причалу и полюбоваться убегающими в бесконечность островками? Чего он точно *не* собирался делать в период этого томительного ожидания, так это надевать гидрокостюм и бросаться в ледяную воду. С этим хобби покончено.

И тут до него дошло, что у него есть интернет. Он уже активировал анонимную сеть. По сведениям Бергера, на острове было установлено несколько камер видеонаблюдения, которые могли в любой момент включиться, игнорируя про-

исходящее в данный момент на экране.

Он позволил себе открыть Гугл и начать ставший уже механическим поиск – то, чем он занимался ежедневно год за годом, но безрезультатно. Сначала он набрал «Фрейя Бабино». Как обычно, ни одной ссылки; его бывшая словно сквозь землю провалилась со своим новым парижским мужем. Вероятно, думал он не без злорадства, она теперь обычная домохозяйка, живет жизнью своего мужа. Затем Бергер набрал «Маркус Бабино». Хотя и здесь все было бесполезно, он даже мысли не допускал о том, что можно уже и не вбивать третье имя – имя брата-близнеца Маркуса, который был на десять минут младше. Бергер набрал «Оскар Бабино».

Его сыновья-близнецы.

Свет в его жизни, свет, который пока сиял неизвестно где, но оттого казался еще ярче. Полярная звезда, вокруг которой крутится мир. Точка отсчета.

И тут вдруг что-то произошло. Страница «Фейсбука». Оскар Бабино, Париж.

А на фотографии профиля действительно его младший сын. Только совершенно обновленная версия. Одиннадцатилетний парень и, судя по снимку, вполне оперившийся танцор хип-хопа. Бергер тут же сделал скриншот всего, что нашлось на странице, а это было немного. Страницу создали всего несколько дней назад, и на ней имелось всего две записи с немногочисленными комментариями, все по-французски. У Оскара набралось двенадцать друзей, и все коммен-

тарии были от них. Первый пост выражал скорбь по поводу крупного теракта в Париже, который произошел, пока Бергер валялся без сознания в Лапландии, комментарии здесь были скудными, явно оставленными ровесниками Оскара. В основном грустные смайлики. А последний пост сделан парудней назад. На фотографии неубранная комната мальчишек, двухъярусная кровать, на нижней кровати кто-то лежит, вытянув обе руки с жестом победителя. А снизу из-под одеяла торчат ноги. И пальцы ног тоже формируют символ победы.

Внутри у Бергера что-то щелкнуло. Он почувствовал ком в горле. Вытянул руку, погладил холодный экран компьютера. Это был *его* жест, утрированный радостный жест папы Сэма. У близнецов он долго не получался, им пришлось много тренироваться, чтобы научиться раздвигать два самых больших пальца на ноге и одновременно подгибать остальные. В результате выглядело это весьма своеобразно. И можно было залезть под одеяло, например, после победы в компьютерной игре, и высунуть руки и ноги в победном жесте.

Четыре символа победы.

Единственный комментарий к фотографии гласил «14-8», очевидно, результат каких-то состязаний. Вероятно, один из близнецов обыграл другого, но определить, кто из них лежал под одеялом, всем своим видом выражая не омраченное злорадством счастье, было невозможно.

Сэм Бергер воспринял это как знак. Его сыновья – по большому счету, выпавшие из его жизни в последние три

года, проглоченные Парижем, – не потеряли связь со своим отцом-предателем. С отцом, который безо всяких возражений позволил их матери Фрейе оформить единоличную опеку над мальчиками. И который, будучи полицейским, не удосужился проверить, хорошо ли детям в их новом доме, с их отчимом-французом Жаном Бабино. Этот отец руководствовался сомнительным девизом «отсутствие новостей – хорошие новости», и вместо того, чтобы искать контакта с детьми, пестовал и лелеял свое одиночество.

За последние несколько недель Сэм Бергер как будто повзрослел на пару десятков лет.

В эту минуту он принял решение зарегистрироваться в «Фейсбуке». Пока он сидел и размышлял над тем, стоит ли использовать свое настоящее имя или лучше взять какой-нибудь ник, понятный лишь близнецам, компьютер издал звук, означающий завершение задачи. Поиск остановился, и теперь экран светился одобрителем подтверждением; значит, Бергеру удалось сделать еще один шаг на пути к покорению сложной системы Молли Блум.

Молли.

А у нее под сердцем, возможно, ребенок Сэма.

Нет, не сейчас. Дождись ночи. Пусть все это дерьмо зреет, настоится, как следует протухнет и превратится в новые кошмары.

Бергер осторожно активировал продолжение процесса загрузки. Включился новый поиск.

Он вернулся к «Фейсбуку». Теперь он, по крайней мере, знал, как можно бороться с ночными кошмарами.

С помощью четырех символов победы.

Вторник, 1 декабря, 23:54

Услышав этот звук в первый раз, ночная медсестра никак на него не отреагировала. То есть, она, конечно, подняла глаза от испанской грамматики, но глагол *hacer* удержал ее за письменным столом; спряжение доводило ее до бешенства. Кроме того, это ну никак не могло быть окно: если и имелись в отделении незыблемые правила, так это держать окна тщательно запертыми. Люди, которые приходили в себя после длительного наркоза и бессознательного состояния, часто плохо контролировали свои действия, если выразиться мягко, и если бы существовала хоть какая-то возможность вывалиться из окна второго этажа, их бодрствование превратилось бы в невнятные скобки между долгим сном и его продолжением.

Как и сама жизнь, подумала медсестра и содрогнулась от холода. Только что наступил декабрь, а декабрь все же лучше ноября. Зато потом идут январь, февраль, март и апрель – их, разумеется, легче пережить на Лансароте.

Наго, написала она. *Haces. Hase. Hacetos...*

И тут она снова слышала тот же звук. На этот раз сомнений быть не могло – и скрежет рамы, и все остальное. Медсестра отложила ручку и прислушалась.

В остальном тихо.

Она встала. Звук, несомненно, доносился из какой-то из трех-четырех ближайших палат, либо из шестиместной, либо из одноместной.

Если бы она боялась призраков, она не выбрала бы эту профессию. Или если бы ее пугало одиночество. Она выбрала эту работу, потому что она отчасти напоминала труд пожарных. Или штурмовой группы. А может быть, даже военных? Ожидание, спокойствие, одиночество, бесконечные возможности для самосовершенствования – и при этом постоянно на цыпочках, в полной боевой готовности. Все это было ей очень созвучно.

Однако со временем эти способности ушли в пассив, и удачным дежурством стало считаться такое, когда можно всю ночь, не поднимаясь, учить испанский. Который, несмотря на глагол *hacer*, казался детским лепетом по сравнению с ивритом и корейским.

А вот теперь, похоже, пора действовать. То, что в таком отделении открылось и вновь закрылось окно, – это не какой-нибудь пустяк.

Медсестра вышла в коридор. Охранник, сидящий у запертой входной двери, по всей видимости, не только вставил в уши наушники, но и успел уснуть; судя по его позе, он мог в любой момент свалиться со стула. Ну и хорошо; ей хотелось все разрулить самостоятельно. А если она вдруг заорет, он, по идее, должен проснуться.

Она открыла дверь в ближайшую палату на шестерых. Все

кровати были заняты, и никто из пациентов, как обычно, не подавал признаков жизни. Окна закрыты и заперты, как всегда.

Следующая палата – пустая одиночная комната, предназначенная для более тяжелых пациентов. Тут тоже никакого движения.

Дальше – опять одноместная палата. Здесь окно тоже заперто, а пациентка все в том же состоянии, которое уже начало восприниматься как перманентное. Медсестра уже хотела закрыть за собой дверь и бежать дальше, в последнюю шестиместную палату, когда вдруг краем глаза уловила что-то в проеме. В слабом ночном свете было видно, что респиратор по-прежнему приподнимается и опускается от тяжелого глубокого дыхания, но что-то определенно изменилось. Что-то было не так.

Капельница.

Шланг покачивался, как будто по комнате шла струя воздуха. Но никакого ветра тут быть не могло.

Медсестра снова распахнула дверь и вошла. Подошла к кровати и посмотрела на пациентку. Та неподвижно лежала под одеялом, видны были только тщательно перебинтованные руки, все в порезах, да еще растрепанные волосы, когда-то подстриженные под каре. Коричневая краска почти вся стерлась о подушку, обнажив натуральный светлый цвет. Медсестра подошла ближе к покачивающемуся шлангу, долго смотрела на него, потом несколько раз слегка надавила

на пакет с лекарством, постучала ногтем по регулирующему колесику.

Вроде все как обычно.

Она подошла к окну, постояла, всматриваясь в первую декабрьскую ночь. Из палаты открывался вид на Орставик, мерцающие огни в районе Лильехольмскайен с трудом противостояли большой темноте. Медсестра подергала ручку окна – заперто, как всегда, без исключений, невозможно открыть ни изнутри, ни снаружи. Она опустила глаза вниз, пытаясь рассмотреть больничный фасад, но взгляд быстро уперся в ночную мглу.

Никаких признаков того, что окно кто-то трогал. Чтобы его открыть, нужен специальный ключ, а он хранится под замком в комнате вахтера.

Но она точно *слышала* звук. И шланг от капельницы действительно *покачивался*, явно под каким-то внешним воздействием.

Она медленно и задумчиво вернулась к кровати. Взяла в руки карту пациентки. Молли Блум. Первый месяц беременности. Плод, по всей видимости, не пострадал. Медсестра положила карту на место и переместилась ближе к изголовью кровати. Еще раз взглянула на шланг, который теперь висел неподвижно. Наверное, ей просто почудилось. Никто сюда не заходил, да это и невозможно, по крайней мере, через окно точно. Отделение всегда запирается, все-таки это отделение повышенного риска. А охранник, сколько бы он ни слу-

шал музыку или дремал, не впустил бы сюда постороннего.

Единственное возможное объяснение – кто-то из пациентов мог очнуться и ошибиться палатой. Хотя тогда ей на пост поступил бы сигнал. И вообще, какое это могло иметь отношение к запертому окну, которое открылось и снова закрылось?

Нет, ей все это просто показалось.

И тут взгляд ее упал на столик рядом с кроватью. Там что-то стояло, прислоненное к стакану. Листок бумаги? Нет, скорее небольшой конверт. Да, похоже на конверт с поздравительной открыткой внутри.

Медсестра подняла его, повертела в руках; никаких надписей. И при этом конверт заклеен.

Конечно, он мог стоять здесь и раньше. Естественно, он мог остаться от какого-нибудь давно завядшего и забытого букета. Но она его раньше не видела. Во время обхода она протирала столик, и никакого конверта на нем не было, в этом она была уверена.

Она снова проверила резервуар с лекарством. Никаких признаков, что его кто-то трогал.

Но шланг-то *качался*.

Медсестра постояла мгновение с конвертом в руке. Достаточное ли это основание, чтобы поднимать тревогу? Поднимать на уши всю клинику, отвечать на вопросы спящего охранника и его противных коллег, а потом выслушивать их шутки по поводу слуховых галлюцинаций. А потом на-

ткнуться на скептическое отношение руководства больницы, которое как раз собирается сокращать штат. Сейчас, когда она только начала переписываться с частной клиникой на Лансароте.

Нет, ей все это почудилось.

Определенно померещилось.

Она положила конвертик в карман и, возвращаясь в коридор, где охранник на тот момент практически лежал на полу, всеми мыслями была уже в испанских глаголах.

Среда, 2 декабря, 11:24

На стене за спиной у одетого в костюм мужчины висел целый ряд фотографий таких же мужчин в костюмах. Ее поразило, что следить за моральным статусом полиции поручено было исключительно мужчинам. Хотя должно быть, скорее, наоборот.

– Комиссар Русенквист, – строго произнес мужчина. – Будьте добры, сосредоточьтесь.

– Я *сосредотачивалась*, – ответила Дезире Русенквист, которую все называли Ди. – Я была сосредоточена все два дня, пока меня допрашивали люди интенданта Эскильссона – естественно, мужчины, – и делали они это с большим пристрастием.

– А теперь мы пытаемся подвести итоги, – угрюмо проговорил интендант Эскильссон. – И я был бы вам благодарен, если бы оторвали наконец взгляд от приятных как никогда лиц моих предшественников.

Ди показала на одно из *лиц* в конце ряда, лицо с красной бородавкой на щеке, и сказала:

– Вот он читал нам лекции о внутреннем регламенте, когда я училась в Высшей школе полиции, на последнем курсе.

Лейф Эрикссон обернулся, проследил, куда указывает палец Ди, и кивнул с несколько озадаченным видом.

– Да, Йельм, – пробормотал он. – Ну и что, нравилось?

– Насколько я помню, он нам подробно объяснял, почему полицейские должны постоянно задумываться над своим отношением к монополии на силу.

Эскильссон кивнул и ответил:

– Но вообще-то он у нас в каком-то смысле белая ворона...

– Да? – заинтересовалась Ди.

– Он потом перешел в СЭПО, и непонятно, чем он там занимался. А затем вообще уехал в Европу при невыясненных обстоятельствах. Теперь занимает какую-то высокую должность в ЕС. Да вы наверняка слышали эту историю...

– На самом деле, нет.

– Но мы сейчас не об этом, – спохватился Эскильссон и со скрипом придвинул стул к письменному столу. – Мы говорим об итогах. Меня больше всего интересует ваш собственный вывод, комиссар Русенквист. Как вы сами оцениваете ваши экстравагантные выходки?

Ди помолчала. Она задумалась, взвешивая каждое слово, которое собиралась произнести. Наконец ответила:

– Настолько хорошо, насколько это позволяют человеческие возможности.

Эскильссон бросил на нее скептический взгляд.

– Тут уже по всему учреждению ходят слухи о некоем подвиге, – произнес он. – Если верить этим слухам, вы самостоятельно разоблачили доселе неизвестного серийного убий-

цу, нашли немалое количество до сих пор неизвестных жертв и активно содействовали нейтрализации этого самого убийцы. Однако подобные слухи не учитывают противоречивых, если не сказать омерзительных обстоятельств произошедшего.

Ди смело встретила его взгляд.

– Надеюсь, в ходе долгих допросов вы все же уяснили, что некоторые отступления от правил были просто необходимы, – сказала она. – Иначе у нас не было бы ни малейшего шанса.

– Вот вы говорите «у нас», – кивнул Эскильссон. – Это меня больше всего и волнует. Обстоятельства вашего сотрудничества с бывшим коллегой Сэмом Бергером – по-прежнему тайна, покрытая мраком.

– Это связано с тем, что СЭПО является отдельной организацией, – объяснила Ди. – У них свое внутреннее расследование. В определенной ситуации я была вынуждена обратиться за помощью в СЭПО, а Бергер был нужен мне для строго определенных и уже подробно описанных мной целей. А именно для того, чтобы найти Молли Блум.

– Убийцу похоронили в воскресенье, – прервал ее Эскильссон. – Говорят, в церкви было пусто.

Ди кивнула.

– Очень надеюсь, что так оно и было.

Эскильссон тяжело покачал головой и произнес:

– Давно уже по имиджу полиции не наносилось таких уда-

ров, как тот, когда выяснилось, что Бергер хладнокровно убил преступника. Вы должны понимать, какая ноша лежит теперь на плечах Отдела по особым расследованиям. То есть на моих плечах.

– Это вы так просите прощения за то, что двое суток меня просто поджаривали на медленном огне ваши самые суровые сотрудники?

– Не прошу прощения, а объясняю, – уточнил Эскильссон. – К счастью, пресс-службе удалось развернуть это дело в нужное русло. Они сделали акцент на то, что Бергер – именно бывший полицейский. Теперь в СМИ его представляют как негодяя, уволенного со службы за полное несоответствие должности. А потому вся вина с нас снимается.

– А не лучше ли было бы сосредоточиться на выяснении того, где Бергер находится в данный момент, вместо того чтобы обсасывать детали нашей погони за серийным убийцей?

– Да, но вы должны иметь общее представление о ситуации.

– Общее представление?! – воскликнула Ди. – Черт возьми, разве поимка Бергера не имеет прямого отношения ко всей ситуации в целом? Если вы действительно считаете, что способный на хладнокровное убийство бывший полицейский ходит на свободе.

– Безусловно, это входит в список наших приоритетов, – произнес Эскильссон, складывая стопку бумаг (по всей ве-

ростности, выписку из немилосердно долгих допросов, которым только что подвергли Ди).

Она сидела задумавшись. Рассматривала длинный ряд одинаковых на вид начальников Отдела внутренних расследований полиции, или, как он теперь назывался, Отдела по особым расследованиям. К горлу подступила тошнота.

– Ну и каков будет приговор? – спросила она наконец.

Эскильссон поморщился.

– Никаких приговоров мы, разумеется, не выносим. Но если все, что вы рассказали, правда, то должностные нарушения с вашей стороны, в общем и целом, можно рассматривать как незначительные. Вынужденные и/или незначительные. Комиссар Русенквист может вернуться к своей работе.

Ди перевела взгляд с ряда портретов в костюмах на Эскильссона, и перед ее глазами тут нарисовалась рамка вокруг верхней части его туловища.

– Значит, на этом все? – спросила она.

– Да, пока нам нечего добавить. Если понадобится дополнить картину, мы, разумеется, дадим вам знать.

Она встала, постояла некоторое время, разглядывая Эскильссона, потом повернулась и направилась к выходу, ожидая в последний момент услышать за спиной еще какие-нибудь мудрые наставления.

Но таковых не последовало.

Вместо этого Эскильссон произнес:

– Комиссар Конни Ландин из Национального оперативно-

го отдела просил передать вам, что вы можете отдохнуть до конца этой недели. И всю следующую. Десять дней дополнительного отпуска. Не буду цитировать все его слова...

Ди резко обернулась.

– Почему же, процитируйте, пожалуйста, – сказала она.

Комиссар Эскильссон недовольно посмотрел на нее, однако взял в руки лист бумаги и прочел:

– Вот что пишет Ландин. Вам предоставляется десятидневный оплачиваемый отпуск за, цитирую, «лучший за последнее время единоличный вклад полицейского в дело поимки преступников в Швеции». Ландин, как известно, не отличается особым вниманием к тонкостям и нюансам...

Выходя в коридор, Ди широко улыбалась. Улыбка не сходила с ее лица и в лифте, где один большой начальник, которого она знала только внешне, одобрительно ей кивнул. Этого вполне достаточно.

Она вышла на улицу Польхемсгатан, такую же неприветливую, как всегда. Угрюмый бесцветный день, температура на грани нуля. Ди чувствовала себя опустошенной. Она, разумеется, знала, что ее ждет жесткий допрос – но целая армия полицейских, сменяющих друг друга в течение двух суток?

Ее, конечно, так просто не сломить.

По большому счету, все ее многочисленные заявления и высказывания были ложью. Однако ложью продуманной, убедительной и последовательной. Слишком много в этом

деле такого, что не должно выплыть наружу. Иначе комиссар Дезире Русенквист была бы уже не только бывшим комиссаром, но и бывшей Ди. Для сокамерниц в женской тюрьме она стала бы любимой игрушкой, малышкой Дезире.

При этом результат получился более чем правдивый. Результатом стал «лучший за последнее время единоличный вклад полицейского в дело поимки преступников в Швеции». Она мысленно поблагодарила Конни Ландина. Только одна поправка: этот вклад не был единоличным. За ним стояло целое трио, и Ди играла здесь второстепенную роль. А в действительности дело раскрыли Молли Блум и Сэм Бергер.

Естественно, на допросе интересовались, не знает ли она, где сейчас находится Сэм Бергер. Однако в вопросах сквозило явное безразличие, особенно по сравнению с остальными подробными расспросами. Тогда, в пылу битвы, это просто показалось ей довольно странным, но только что, сидя в кабинете Эскильссона, Ди увидела во всем этом отчетливую закономерность.

Поимка Сэма Бергера «безусловно, входит в список наших приоритетов».

И это говорит человек, у которого дело всей жизни – сажать за решетку плохих полицейских, как бывших, так и действующих, как виновных, так и невиновных.

Нет, что-то тут не сходится. Интендант Лейф Эскильссон никогда не стал бы так рассуждать. А значит, это не его рассуждения. Значит, приказ поступил со стороны. И каков же

наименьший общий знаменатель всех событий последнего месяца?

Добавить-то, собственно, и нечего. В воскресенье, двадцать пятого октября, в десять часов четырнадцать минут, Ди и ее тогдашний начальник Сэм Бергер начали захват отдельно стоящего дома в районе Мерста – и с тех пор снежный ком событий так и продолжал катиться, набирая обороты.

Ди покачала головой. Она пересекла парк Крунуберг и вышла на площадь Фридрихсплан, где запрыгнула в третий автобус. Он шел до самой больницы Седер.

Поскольку никто из родственников не объявился, Ди решила сама навещать Молли Блум. И делала это каждый день. Даже в течение тех двух дней, когда она подвергалась ожесточенным допросам, ее отпускали навестить Молли.

Было так непривычно видеть на Молли другую прическу и другой цвет волос, совершенно чуждый ей. Прежде взъерошенные, теперь ее волосы казались гладкими и тусклыми.

Ди подолгу сидела с Молли Блум – ей необходимо было выговориться. То, что для душевных излияний ей необходим слушатель в бессознательном состоянии, немного пугало. С другой стороны, двойная игра – не лучший стиль жизни.

Вдали показался автобус. Ди побежала. Но не успела.

Какое-то время она стояла, словно погрузившись в вакуум. А потом вдруг все прояснилось.

Наименьший общий знаменатель событий последнего месяца – это СЭПО. Только такая организация, как СЭПО,

обладает достаточной силой, чтобы заставить Эскильссона прикусить язык.

Ди встречала Сэма. Он внезапно появился у постели Молли. Это было четыре дня назад. Тогда он поклялся, что не имеет отношения к смерти серийного убийцы. Кто-то подставил его, воспользовавшись его старым служебным оружием. И Ди поверила ему. Ей очень хотелось верить хоть кому-нибудь в этом прогнившем двуличном мире, а никого лучше Сэма рядом не нашлось.

Кто-то повесил на Сэма Бергера убийство человека, за которым они охотились в течение всех этих безумных недель. Но потом люди из СЭПО прикрыли лавочку, позаботившись о том, чтобы Бергера – самого разыскиваемого в Швеции человека – не искали по-настоящему.

А просто делали вид, что ищут.

Почему?

Первый вывод, к которому пришла Ди: ничего хорошего это не предвещает.

Второй вывод: она должна найти Сэма Бергера.

А потом подошел автобус номер три. Они часто ходят.

У нее как-никак десять дней в запасе.

Среда, 2 декабря, 11:46

На углу с улицей Ригнвэген автобус-гармошка сложился почти пополам, потом распрямился и медленно пополз вверх к больнице. Этим серым декабрьским утром автобус подъехал, как всегда, прямо к главному входу в больницу Седер. На этой остановке вышла целая толпа пассажиров.

Среди них – неприметная женщина средних лет. Именно такое отражение мелькнуло на стеклянной входной двери. Ди уже успела войти внутрь, когда вдруг поняла, что отражение было ее собственным.

Поблуждав немного по бесконечным больничным коридорам, Ди оказалась в одном лифте с трупом. Хотя труп был на нужный этаж, двое санитаров, которые его везли, были настолько поглощены разговором, что спохватились, лишь когда лифт снова закрыл двери. Ди пришлось прижаться к стене, пока санитары довольно небрежно выпихивали каталку из лифта. Одна рука выпросталась из-под простыни, мертвые пальцы коснулись ее живота. Тело Ди сковало страшным холодом.

Лифт достиг нужного этажа, температура тела пришла в норму, и по мере того, как Ди шла по коридору, она все дальше пробиралась в глубину своей души. Дойдя до определенного уровня, она позволила себе признать, что возвращается

в больницу Седер каждый день не только из сострадания; она надеялась также быть первой, кого увидит Молли, когда очнется. Оставалось еще много вопросов, и если кто-то и мог на них ответить, так это Молли Блум.

Чем они с Бергером на самом деле занимались там, в глуши?

У входа в отделение Ди позвонила в звонок. Охранник, сидевший прямо возле двери, неторопливо поднялся и посмотрел на нее в окошечко.

Всего несколько лет назад на его месте сидел бы полицейский, который следил бы за тем, чтобы никто посторонний не проник к Молли Блум и чтобы она сама не сбежала. «Неужели дремлющий охранник обходится намного дешевле?» – подумала Ди.

Открыв наконец, охранник принялся внимательно изучать ее полицейское удостоверение.

– Все в порядке? – спросила Ди.

Охранник пожал плечами, что-то записал в журнал, висящий позади него на стене, потом снова уселся и уткнулся в телефон. Ди решила запомнить его, и пошла дальше по пустому коридору. Остановилась у двери в палату Молли Блум. Дверь была закрыта. Ди потянула за ручку.

В кровати Молли не оказалось.

Первой реакцией Ди была спонтанная радость. Молли встала, она снова может двигаться, кома осталась позади.

На смену восторгу пришел скепсис. Ощущение, будто

что-то не так. Которое с каждой секундой усиливалось.

Ди огляделась. Кроме кровати, респиратора, ночного столика и окон, здесь стояла еще капельница. Ди осмотрела шланг, по которому лекарство шло к канюле. Ее смутила длинная игла, которая лежала на пятнышке крови прямо на простыне, а вокруг этого пятнышка растекалось более крупное пятно бесцветной жидкости. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кровь осталась в виде брызг, а на игле виднелись остатки оторванного хирургического скотча. Ди сомневалась, что персонал мог оставить кровать в таком состоянии – если, конечно, не произошло нечто экстраординарное, если речь не шла о спасении жизни.

Без сомнений, иглу *выдернули* из руки Молли.

Имелось в палате и еще кое-что. А именно дверь. Ди подошла к ней, медленно потянула за ручку и вошла в туалет. Из темноты доносился резкий запах антисептика, и пока зажигалась лампа, медленно, с миганием, Ди успела различить фигуру человека. Это была женщина, чей образ постепенно проступал в мигающем свете.

Женщина сидела на унитазе. Одета в обычную больничную сорочку, голова наклонена вперед, каштановые волосы водопадом струятся по лицу. Руки, обнаженные ниже локтя, висят по бокам. В локтевом сгибе левой руки виднелось большое синее пятно от иглы. Но никаких следов крови.

Ди подошла ближе, не смея выдохнуть. Что-то странное было в этой фигуре. Лишь стоя совсем близко к женщине,

Ди поняла, что именно.

Руки были белее одежды.

Они были совсем белые.

– Молли, – прошептала Ди.

С трудом сглотнула. Опустилась на колени. Проследила, как ее собственная рука, словно самостоятельное существо, потянулась к голове женщины.

К голове мертвой женщины.

Ди бесконечно медленно убрала с лица отросшую челку. Встретилась с женщиной взглядом. Хотя это был взгляд, который невозможно встретить. Его можно было увидеть, заглянуть в голубые глаза, но по ту сторону ничего не было.

Молли Блум была мертва.

По-настоящему мертва.

Мир вокруг застыл. Слишком надолго. Но потом какая-то клеточка мозга все же пришла в движение. Ди даже не была уверена, что это происходит в *ее* мозгу, однако эта клеточка активировала другие, и все вместе они начали анализировать форму лица. Что-то не сходилось.

Ди пересилила себя, еще раз откинула все волосы с лица женщины, приподняла ее голову – труп еще не успел окоченеть – и взгляделась в ее черты.

Конечно, Ди повидала слишком много покойников за свою жизнь, и, естественно, знала, как смерть меняет внешность, как лица приобретают совсем другие очертания. Но все-таки...

Нет, это была не Молли Блум. Точно не она.

Ди снова опустила голову женщины на грудь, стараясь действовать осторожно, чтобы покойная не упала с унитаза. Потом поднялась и задумалась.

Глубоко задумалась.

Вернулась в палату. Еще раз осмотрела кровать с иглой и брызгами крови. Потом вышла в коридор. Подбежала к стойке медсестры. Никого из персонала не было видно. На секунду ей показалось, что весь мир опустел. Ди принялась открывать одну дверь за другой, и только за четвертой дверью, ведущей в большую шестиместную палату, обнаружилась медсестра, перестилавшая пустую постель. Ди открыла рот, чтобы заорать на нее, но сдержалась. Осмотрела пустую только что застеленную кровать.

– Кто там лежал? – вырвалось у нее.

– А кто спрашивает? – задала встречный вопрос медсестра.

Ди достала полицейское удостоверение, протянула его и сказала:

– Я из полиции. Меня интересует Молли Блум из четвертой палаты. Она пропала.

– Пропала? – скептически переспросила медсестра.

– А вместо нее в туалете сидит мертвая женщина. Поэтому я повторяю: кто лежал в той кровати?

Медсестра встретилась с ней взглядом, полным язвительно-вежливого скептицизма, столь характерного для медпер-

сонала.

– Ханна, – произнесла она наконец. – Ханна Дунберг.

– Она умерла? Когда? Как она выглядит?

– Как все покойники.

– Давайте без лирики, – сказала Ди холодно. – Только факты.

Медсестра положила пододеяльник на кровать, скрестила руки на груди и начала рассказывать:

– Ханна умерла час назад, ничего неожиданного, рак груди последней стадии. Приходил врач, констатировал смерть, мы положили ее на каталку в коридоре. Через некоторое время пришли ребята из морга и увезли ее.

Ди быстро переварила информацию и уставилась в потолок.

По ее телу разлился странный холодок.

– Черт возьми! – заорала она и выбежала в коридор. Пронеслась мимо охранника, который едва поднял глаза от своего телефона, отыскала лестницу рядом с лифтом. Бросилась вниз по ступенькам, выбежала в коридор первого этажа и заорала мужчине в белом халате, проходившему мимо:

– Где тут у вас морг?

– Четвертый корпус, – ответил доктор с олимпийским спокойствием, указывая пальцем.

Ди проследила за направлением пальца и побежала дальше, все глубже по больничным лабиринтам. Нашла указатель с надписью «корпус 4», понеслась туда. Заплутала. Отыска-

ла морг, дверь туда была приоткрыта. В коридоре стояла пустая каталка, рядом валялась простыня. Из какой-то двери вышел одетый в белое мужчина, остановился, почесал голову; Ди узнала одного из тех санитаров из лифта. Второй такой же мужчина вышел из другой комнаты, и Ди заметила, как они обменялись взглядами.

– Просто невероятно, – произнес один из них.

Ди подбежала к ним и крикнула:

– Где ближайший выход?

Какое-то время они таращились на нее, словно на инопланетянку. Наконец первый санитар махнул рукой в сторону коридора и произнес:

– Там в самом конце есть запасной выход, но...

Не дослушав его, Ди кинулась туда, добежала до конца коридора, нашла запасной выход. Дверь была приоткрыта. Ди вышла из помещения, оказалась на заднем дворе рядом с лестницей, которую преодолела в несколько прыжков, очутилась на том самом месте, где улица делала крюк. От главного входа отъезжал автобус номер три. Ди побежала, быстрее, еще быстрее. Почти поравнялась с автобусом, но тут он начал ускоряться. Ди заорала ему вслед, но водитель продолжал нажимать на газ. Последнее, что увидела Ди перед тем, как остановиться, был взгляд в заднем окне автобуса. Не совсем ясный взгляд голубых глаз из-под отросших светлых волос, с которых почти полностью сошла коричневая краска.

Взгляд Молли Блум.

Автобус свернул на Рингвэген и исчез из виду.

Среда, 2 декабря, 12:11

Возникновение мира. Как это удивительно.

Кусочки мозаики постепенно складывались в единое целое. Бесформенные соединения нервных клеток выстраивались в нужном порядке, восстанавливались прежние связи. Потерянный мир вновь обретал очертания, кирпичик за кирпичиком, фрагмент за фрагментом.

Вначале был хаос. Внезапное пробуждение. Разрозненные впечатления пробудили профессиональный инстинкт, остальное пришло позже. Понимание, причинно-следственные связи, воспоминания – все подчинялось инстинкту. Даже самосознание вернулось не сразу.

Оно проснулось в ней через несколько остановок. Именно тогда она осознала, что начинает привлекать к себе внимание. Она подождала еще немного, пока восстановленные клетки оживляли в памяти карту Стокгольма и пытались составить план действий. Все это время вокруг нее то усиливались, то стихали голоса. К этому моменту автобус забился почти под завязку, но рядом с ней было пусто. Поскольку Молли удалось уловить обрывки разговоров, она сделала вывод, что восприятие речи также вернулось к ней. Люди говорили о том, что она может представлять опасность – наверное, сбежала из психушки, может быть, стоит ее схватить.

Времени на размышления почти не оставалось.

Автобус остановился. Она протиснулась сквозь толпу взволнованных пассажиров, вышла и тут же почувствовала, как холод поднимается вверх от ступней. Молли свернула на боковую улочку, где было значительно меньше народу, бросила взгляд на витрину и остановилась. Она увидела свое отражение и не могла сдвинуться с места.

Молли Блум – падший ангел.

Развевающаяся на ветру белая больничная рубаха, босые ноги, перебинтованные руки, мертвенно-бледный цвет лица, волосы какого-то чужого цвета. К тому же начался снег. Какой-то перевернутый с ног на голову вертеп. Трансвестит в роли архангела Гавриила.

Все это никуда не годится. Надо что-то с этим делать. Она надеялась, что мысленная карта Стокгольма ее не подведет.

Одно из главных модных кафе города действительно располагалось на этой улице, как она и помнила. Молли заглянула внутрь. Там царил легкий хаос, время было обеденное, столиков не хватало, люди занимали места и шли набирать себе еду. Никто не обратил на нее внимания, когда Молли прокралась внутрь и запустила руку в карман оставленного кем-то дорогого фирменного пальто. Она выскользнула на улицу и, прижавшись к стене, чтобы никто не мог ее заметить изнутри, вынула из кошелька толстую пачку купюр. Потом бросила кошелек перед самым входом в кафе и поспешила уйти.

До магазина готической одежды надо было пройти пару кварталов. Пару холодных кварталов. Главным преимуществом магазина было то, что никто не обратил на нее особого внимания; по меньшей мере трое из посетителей были одеты еще более странно, чем она. Молли выбрала несколько вещей, которые выглядели наименее вызывающе, включая пару ботинок на чересчур высокой платформе, проскользнула в примерочную, переделалась, подала скучающей кассирше оторванные ценники, заплатила, вышла на улицу, выбросила больничную одежду в урну и направилась к магазину мобильных телефонов.

Там она купила два дешевых телефона, синий и красный. Включила красный, набрала короткое сообщение и получила на удивление быстрый ответ:

«Очнулась. Какие будут указания? М.Б.»

«Чрезвычайно радостная новость. План снова в силе. Держи телефон под рукой».

Молли криво улыбнулась; может быть, у нее и сотрясение мозга, но она ведь не ребенок.

Она включила синий телефон и набрала номер.

Назначила время и место.

Выбросила телефон в мусорный контейнер, а растоптанную сим-карту засунула поглубже в выхлопную трубу случайного автомобиля.

Теперь ее ждут важные дела.

План снова в силе.

Обратная реакция.

Она все время ждала обратной реакции. Ее должно было накрыть. Ведь она очнулась так резко и действовала настолько стремительно, причем весь день без остановки. Она понятия не имела, насколько повреждены капилляры ее мозга и что пришлось пережить сердцу. Только сейчас она дала себе время, чтобы вспомнить, вспомнить, что на самом деле происходило в те судьбоносные дни в глуши.

Сидя теперь в крошечной тьме, она вспомнила другую такую же тьму. Залив Риддарфьерден время от времени освещался огнями проходивших по нему судов, а в остальном царила полная темнота.

Вспомнить бы только, что за ранение ей нанесли. Чисто с рациональной точки зрения, чтобы по возможности предотвратить обратную реакцию.

Проблема заключалась в том, что каждая попытка вспомнить вызывала совершенно другой ряд воспоминаний. Из сумрака вырисовывался металлический стул, бетонный пол, холодная заплесневелая сырость, кислый подвальный запах, веревки на руках и ногах. Обтянутый пластиком диван, две фигуры, едва различимые в темноте, словно участники какой-то странной пантомимы. И руки.

Нет, необходимо все это прервать, отключить сознание.

Молли проверила время на красном телефоне. Минуты еле тянулись.

Руки.

Нет, нет. Не руки.

А почему нет? Ну все же. Это вполне рационально. Может служить рациональным объяснением. Удары по рукам, какими бы сильными они ни были, вряд ли могут привести к коме. А вот нож. Нож, который медленно проникает сквозь кожу, надрезает ее. Кровь брызжет, течет рекой.

Обескровленное тело.

Нет. Достаточно. Но так оно, скорее всего, и было. Сильная кровопотеря, кислородное голодание мозга, непредсказуемые последствия. Даже с респиратором.

И вот он уже рядом, и Молли не успела отреагировать. А должна была успеть, отругала она себя. Нельзя быть такой слабой.

Никогда.

Мужчина стоял за дверью и наблюдал за ней. Мимо проплыл корабль, осветил, словно вспышкой, его лицо – выражение внимательное и любопытное, – но она не успела заметить, есть ли у него оружие.

Когда он понял, что она его заметила, черты его лица смягчились, и он сказал, кивая:

– Классная одежда.

– У тебя? – спросила она, почувствовав, что сердце стало биться чаще.

– Ну что у *тебя* для *меня*, Молли? – произнес он, утрированно жестикулируя.

– А тебе как кажется, что у меня?

Он кивнул, в медленно наползающем свете от корабля его тень кивнула на фоне шкафа. Неужели может быть такая задержка? Разве скорость света не самая высокая из известных?

– Было бы интересно услышать объяснения, – сказал он.

– Всему свое время, – ответила она.

Повисла пауза. В комнате было совершенно темно, и она *не могла* видеть, как он снова кивнул. И все-таки не сомневалась в том, что он это сделал. С совсем другим чувством.

– Подумать только, эта квартира по-прежнему твоя, – произнес он. – Все монологи, которые я тут слышал...

– Это было прекрасно, – ответила она. – Недолго, но прекрасно.

– Я понятия не имел, что она все еще существует. Мне следовало бы об этом знать.

– Это временное прибежище.

– А раньше это разве было не так? В наше время?

– Это последний аванпост.

– В таком случае, где же оружие? – спросил он, с виду равнодушно.

– Не такой аванпост, – попыталась объяснить она. – Скорее, наоборот.

Она слышала, как он засмеялся, без всякой иронии. По-

висла пауза, связанная лишь с тем, что он не знал, как лучше сформулировать свои мысли. Она терпеливо ждала.

Наконец он произнес:

– Я страшно рад, что ты жива, Молли. Причем во всех смыслах. Ты себе даже не представляешь.

– Что тебе об этом известно? – спросила она.

– Ты знаешь, где я работаю, – ответил он, и, как ей показалось, пожал плечами.

Она посмотрела на едва заметную тень и произнесла:

– Ну, к этому делу ты вряд ли имел какое-то отношение.

– Ты знаешь, что я работаю на Августа Стена. Что еще тебе известно?

– Что я очнулась сегодня утром. Что до этого лежала в коме. Что меня похитили и пытали. Это все, что я знаю. А ты что хотел?

Мужчина покачал головой. Потом вышел из тени и направил пистолет прямо в грудь Молли Блум. С щелчком развернул его и подал ей.

– Спасибо, – поблагодарила она, принимая оружие.

Он медленно подтянул тонкую кожаную перчатку и отступил обратно в тень.

По заливу скользило очередное судно, его огни на долю секунды отразились в толстых линзах очков мужчины.

– Как со зрением? – спросила она.

– Надеюсь, с этим мне скоро помогут, – ответил Карстен и исчез.

Среда, 2 декабря, 16:25

Расщелина в скале была ненамного шире самой лодки, и хотя он едва различал ее сквозь мглу, эта расщелина казалась специально вытесанной по размеру. Карстен завел туда лодку. Камуфляж уже висел наготове на ветках деревьев; легкое движение руки – и все накрыто.

Он постоял, осматриваясь. Увидел. Увидел достаточно хорошо. Впервые смог оценить, что ничего не видит. Лодка как сквозь землю провалилась. Он зашагал прочь.

Это было путешествие сквозь другое, более непорочное время. Когда тебе двадцать шесть, и ты понимаешь: то самое мгновение прошло. Оно было здесь, но исчезло вновь. Просто растворилось.

Вспышка растраченного смысла жизни.

Молли.

Здесь. Эти шаги. Совершенно такие же шаги, ровно на этом же месте. Но в другой жизни. В жизни, которая была несравненно лучше.

Они вдвоем.

Плавность шагов. Он чувствовал силу и гибкость в ногах. Он весь – сама гибкость, годы тренировок не прошли даром, сказывалась программа акробатики и жонглирования из цирковой школы. Но тело должно работать целиком. Пол-

ностью. В том числе глаза.

В каждой цепи есть слабое звено. Его цепь была такой прочной, а слабое звено таким непропорционально слабым. Сейчас он его укреплял, именно этим он и занимался, работал не покладая рук над укреплением цепи. Ибо цепь необходимо спасти. Прочную цепь его жизни.

Имелся и еще один неприятный момент. Правда, на данном этапе уже искорененный. По крайней мере, он на это надеялся. Но даже у самых точных и скрупулезных планов есть фактор риска, и в данном случае он был необычайно высок. Этот гад Август Стен наверняка притащит ♂ в Тенсту; он прямо упивается чувством полной власти над своими подчиненными. Спасать беглых сотрудников – его конек. Сам-то Стен сидит где-нибудь в безопасном месте и только рассылает повсюду своих безмозглых рыцарей, типа Роя или Кента.

Если Карстен и правда знает Стена, то ♂ должен был стать третьим. А значит, дорогие пчелки уже завершили свою работу. Домик на крыше должен быть пуст. Час расплаты вот-вот пробьет.

Расплаты за все, что случилось. За то, что ♂ отнял ♀.

Вот он и на месте. Моря не видно за каменной грядой. Редкие отблески света – единственное, что отличает море от бескрайнего темного неба. Скользя вниз по скале, он уловил изменения в воздухе, какое-то уплотнение в атмосфере. Надвигалась непогода. Где-то над открытым морем сгущалось

ненастье, это чувствовалось отчетливо.

Оказавшись рядом с домиком, Карстен сдвинул очки на лоб и вошел.

Темнота. Домик. Дыхание, такое беспокойное. Все еще беспокойное, хотя прошло два с половиной года. Он подошел к камину, поправил висевший на нем двойной портрет и повернулся в сторону завораживающего закатного света. И вновь оказался там, на склоне. Точь-в-точь как тогда, когда он был на больничном. Три года конспирации, очень тяжелые годы. Внедренный агент в кругу албанской мафии, занимался делами сексуальных рабов, был вынужден принимать наркотики, чтобы выжить. Мощный рейд, исключительно успешный. Если не считать, что у него случился срыв. Тяжелое восстановление. Настоящий отходняк. Было все равно, куда лететь. Лишь бы куда-нибудь, где тепло.

И вот он оказался там. На холме. Вот он идет, молодой человек, прошедший ад. Как будто только что родившийся там, на холме. Пуповина еще не перерезана, на голове остатки плодной оболочки. Холм утопает в солнечном свете, вокруг растут кипарисы и сосны, кое-где виднеются белые домишки, ослы со склоненными головами, ряд ульев вдоль спуска, океан желтых цветов, раскинувшийся до самого берега. А где-то вдалеке возвышается Гибралтарская скала.

Улы. Табличка *Se vende*¹. Жужжание. Приблизиться к пчелам, понять их, выяснить, как устроено их общество. Он

¹ Продается (*исп.*).

купил пасеку, поставил палатку поблизости, жил с ними. Посматривал на виллу на вершине холма: две террасы, одна из них – огромная и выходит на море. Как небо, недостижимая мечта. Иногда он видел людей на большой террасе, они пили белое вино из запотевших бокалов. Смеялись и выглядели счастливыми.

Влюбленные люди. Любящие люди.

А он жил в своей палатке среди пчел, и с каждым днем здоровье и силы возвращались к нему. Вернулся. Продолжил работу, но уже безо всякой внедренной агентуры. Август Стен снова впустил его в теплое гнездышко СЭПО.

Каждый год ездил к пчелам. Жил среди них. Все отчетливее вспоминал смысл. Смысл жизни. И то, что этот смысл остался в прошлом.

Вернулся к книгам, к литературному идолу их молодости. Это она научила его читать, только она и никто другой. Теперь он читал все больше, увлекся Шекспиром. Все читал и читал, в отсутствие другой жизни. Понял, что испортил зрение.

Стал хуже видеть. Махнул рукой, ничего страшного. Наконец дошел до клиники. Ему поставили диагноз. Окулист нахмурился, последовала вся эта профессиональная болтовня, а потом неожиданный совет: «Старайтесь жить сегодняшним днем».

Именно эта фраза застряла в голове. Не сам диагноз – пигментный ретинит – не сухие факты. Только это:

«Старайтесь жить сегодняшним днем».

Легче сказать, чем сделать. Он понимал, что его дни в СЭПО сочтены. Подслеповатый агент – это отставной агент.

Он вернулся на свой холм. К своим пчелам. Оставалось только лечь на спину кверху лапками и принять смертный приговор. Будет сидеть тут со своими пчелами, отдаст им свою душу, с ними и улетит.

Постепенно примирится с неизбежностью судьбы.

Перед глазами картинка. Как отголоски прошлого.

Снова табличка *Se vende*. Хотя на этот раз выше на холме. Рядом с виллой. Теперь уже никто не сидел на большой террасе. Ни влюбленные, ни любящие. Только табличка раскачивалась на морском ветру.

Se vende. Продается.

По-прежнему недостижимо. Но теперь забрезжила надежда. Возможность дотянуться до небес. Если правильно выбрать средства.

Если собрать достаточно средств.

И кто же научил его видеть? Здесь, именно здесь, на этом острове, в этом домике? Кто сказал: «*I don't know what kind of drawers he likes*»², после чего он ответил: «*none I think*»³? Способность видеть именно в тот момент, когда они оба вдруг поняли, что на них нет даже нижнего белья. Именно это зре-

² Я не знаю, какое белье он предпочитает. (англ.)

³ Думаю, никакого. (англ.)

лице. Именно здесь.

Когда он так отчетливо увидел родимое пятно в форме звездочки прямо под правой грудью.

Которое наверняка видел и ♂.

Но ♂ мертв, а значит, он не видел родинки в форме звездочки под правой грудью.

Контакт. Действие, которое выглядело, как размышление. Он не в первый раз становился мишенью, но впервые ему было обещано будущее. В котором он будет сидеть на недостижимой террасе, смотреть на море, слепой, но зрячий. Смотреть глазами кого-то другого.

Ее глазами, которые научили его видеть.

Карстен отвел взгляд от яркого пейзажа. Пейзажа, в котором заключался смысл жизни. Взгляд упал на следующую фотографию. Свадебный снимок, сияющая молодая пара. Он снял фото с камин, внимательно рассмотрел. Потом взял фломастер, толстый оранжевый фломастер. Аккуратно обвел один из четырех глаз. Полюбовался результатом. Затем обвел следующий, еще один, и еще. Наконец вокруг всех четырех глаз появились ярко-желтые круги.

Они – одно целое. Все четыре.

Он поставил фотографию обратно на камин и посмотрел на нее с расстояния. Своеобразное впечатление.

Эти четыре глаза. Никого больше.

Любой, кто пытается вмешаться, умирает.

Их застреливают где-то в глубинке. Или заманивают на

крышу и выпускают на них пчел. Или отстреливают пенис.

Все так просто. Карстен уже опустил руки. И тут увидел табличку – и все вдруг стало возможным. Больше он никогда не опустит руки. Теперь он победит.

Карстен победит.

Никто не встанет у него на пути. Уж ♂ точно не встанет. Сэм Бергер. Воплощение ничтожества.

Кастрированный Сэм Бергер.

♂ без мужского достоинства.

Карстен сделал несколько шагов, следуя за беспокойным дыханием. Таким беспокойным, хотя прошло уже два с половиной года. Открыл дверь в спальню.

Первое, что он увидел, – плюшевый медвежонок. Потертый пыльный медвежонок, чьего имени он не знал. Видимо, выскользнул и лежал теперь у самого края кровати, готовый в любую секунду упасть. Карстен вошел, прислушиваясь к дыханию, взял медвежонка и положил его у самой щеки Аиши.

Потом сел и принялся ее рассматривать.

Настоящего контакта у них не получалось. Иногда ему казалось, что годы в неволе полностью вышибли Аише мозг. Что невозможно остаться в своем уме после столь длительной изоляции. А в какие-то моменты, наоборот, он был уверен, что она тайком наблюдает за ним, когда он разговаривает.

Он достал свой большой нож. Поднес его к щеке Аиши.

Несмотря на крепкий сон, она все же ощутила холод лезвия.
Как будто отпрянула.

Ты видишь, подумал Карстен, поднося нож к ее глазу. Ты можешь видеть, Аиша – это несправедливо.

Я могу лишить тебя глаза прямо сейчас.

Среда, 2 декабря, 16:31

Несмотря на темноту, Сэм Бергер видел, что небо затянуло. Между редкими островами на самом юге Стокгольмских шхер кое-где снова образовался лед. Именно в этих местах исчезали последние отблески звезд. Здесь, на самом краю архипелага.

Непогода надвигалась не изнутри шхер, а снаружи, с моря.

Если как следует взглядеться, то можно, отчасти с помощью фантазии, различить свет маяка вдали. Хотя в данный момент самые отдаленные уголки, попадающие в поле зрения, были подернуты серой пленкой, явно свидетельствующей о приближающемся ненастье. Буря шла с юго-востока, из самых глубин Балтийского моря. Долгие годы Ландсортская котловина глубиной в полкилометра служила местом захоронения для всего, начиная с радиоактивных отходов и заканчивая списанной амуницией и битыми автомобилями, и теперь казалось, будто непогода поднимается прямо из глубины этой адской смеси.

Бергер вытянул шею и увидел, что буря уже совсем близко. Будучи типичным городским жителем, он никогда до конца не понимал, что значит «небо затянуло».

А вот теперь понял.

Пора скрыться в доме.

Коробки так и стояли неразобранными на полу большой комнаты. На доске рядом с письменным столом по-прежнему висела фотография Аиши Пачачи. Он прошел мимо, миновал кухню и оказался в спальне. Окно выходило на море, и Бергер постоял возле него. Потрясающее зрелище – как ненастье надвигается сквозь мглу, как взбивает море перед собой, подсвечивая его, раскрашивая метр за метром в белый цвет. Когда первые клубы снежной пыли обрушились на оконное стекло, у него возникло ощущение, будто он заглянул внутрь самого себя.

На него навалились все его ночные кошмары. Молли Блум, которая оставила после себя слишком длинный кровавый след на белом снегу. Молли Блум, которая теперь лежит в коме, а внутри ее ребенок – возможно, его, Сэма Бергера. Молли Блум, которая, скорее всего, сама не знала, а возможно, никогда и не узнает, что она чуть не стала мамой. И одновременно с этим Сэм Бергер, скрывающийся от всего и всех, и единственный человек, на которого он может рассчитывать, – как раз тот, на кого он меньше всего рассчитывает, Август Стен, глава отдела в СЭПО. Чей подчиненный Карстен не только оказался кротом, настоящим предателем, но и похитил Аишу Пачачи, девушку, буквально вырванную из рук предыдущего похитителя. Карстену удалось заманить своих преследователей в многоэтажку в районе Тенста, где он очень точно напустил на них свои смертельно опасные полчища пчел. Конечно, была во всем этом какая-то нездо-

ровая символика, античные представления о том, что пчелы связаны с душой и душевной смертью. Но Бергера это сейчас не сильно волновало. Единственное, что он видел перед собой, – это распухшее от укусов тело Роя, парящее в невесомости, и пчел, которые резко покинули это тело.

To be, or not to be.

Сэм видел перед собой разорванное напополам тело Роя и чувствовал, как в нем поднимается гнев. Он видел, как будто со стороны, как взрывается ящик письменного стола, а его откидывает волной назад, и гнев в его душе усиливался.

Он найдет Карстена, непременно найдет.

Карстен не победит. У него нет шансов.

Бергер отвернулся от окна, вернулся через кухню к письменному столу, взглянул на погасший экран компьютера, потрогал ушиб на груди. Он точно знал, как выглядит гематома, точно помнил ее контуры. Бергер очень надеялся, что тяжесть в груди связана с пулей, отраженной бронежилетом, а не с жалостью к самому себе. Легче всего начать жалеть себя. Это самый простой выход. Получив в распоряжение такое богатство, как неограниченное время, он оказался перед соблазном впасть в самокопание. Этого нельзя допустить, нельзя позволить себе заблудиться в лабиринтах бессмысленной рефлексии.

Умом он это понимал, а вот сердце творило что хотело.

У сердца своя мудрость.

Итак, работа, полицейские обязанности, логика, рациона-

лизм. Продолжать попытки взломать надежно защищенную сеть СЭПО, чтобы выяснить, кто же такой на самом деле Карстен.

Пошевелив мышкой, он увидел, что загадочный поиск до сих пор продолжается. Ему никогда не понять этот процесс. Так же, как и не узнать, насколько серьезные следы он оставляет после себя. И кому видны эти следы. Но он действовал так, как учила его Молли, насколько это было возможно. Так что пусть идет как идет.

На доверии.

Лучше пока зайти в «Фейсбук». Он наконец-то создал свой аккаунт под совершенно другим именем, но, набрав теперь в поиске «Оскар Бабино», он обнаружил, что его младшего сына и след простыл. Долгое время Бергеру казалось, что он делает что-то не так, что он просто не разобрался, как это работает, однако постепенно осознал, что страница удалена. И об остальных членах семьи Бабино, как обычно, ничего.

А вообще, насколько легко удалить страницу в «Фейсбуке»? Он слышал столько историй о тщетных попытках родственников удалить страницу человека, которого уже нет в живых. Бергер развернул скриншоты ничем не примечательной страницы Оскара – ни одной разумной причины удалять ее он не увидел.

Конечно, объяснение могло быть вполне логичным и простым. «Фейсбук» мог поменять правила пользования, Оскар

мог передумать, может, его забросали спамом, может, надоело, может, у него не было постоянного доступа к компьютеру, может, разозлился. Одиннадцатилетние дети так непостоянны. Ему могло показаться, что знак победы, который он сделал пальцами ног, получился некрасивым.

Знак, адресованный близнецами родному отцу.

А может, и не ему.

Придется оставить все как есть. Пока у него нет готового решения. И вообще, поздно спохватился. Если бы он действительно хотел связаться с мальчиками, мог бы сделать это на несколько лет раньше.

В груди снова заныло. Он закрыл все окна, напоминающие ему о прошлых поражениях, и решил проверить зашифрованный адрес электронной почты.

Бергер еще не проверял этот почтовый ящик с тех пор, как оказался на острове. Кто будет писать на его секретный адрес? Однако в ящике оказалось одно новое письмо от неизвестного отправителя. Присмотревшись, Бергер понял, что пишет ему криминалист из СЭПО: ей приказано переслать ему результаты экспертизы, проведенной на месте преступления в Тенсте.

В квартире оказалось полно ДНК как Карстена, так и Аиши; он действительно даже не пытался скрыть следы. А вот в домике на крыше – кроме многочисленных ДНК пчел – обнаружили лишь следы самого Карстена; очевидно, Аиша никогда туда не поднималась.

Чего в письме не было, так это информации о Карстене — ни личного номера, ни фамилии, ничего, что хотя бы на шаг приблизило бы Бергера к кроту; чувствовалась не очень хорошо замаскированная директива со стороны Августа Стена. Бергер отметил про себя, что криминалист не обращается к нему по имени; скорее всего, она даже не знала, кому пишет. Стен держал его в полной изоляции и в тайне.

Подробный отчет о том, что было обнаружено в домике на крыше, содержал несколько интересных моментов. Пистолет, который лежал в ящике заряженный, действительно оказался бывшим служебным оружием Сэма Бергера, его собственным старым *SIG Sauer P226*, подстрелившим преступника, в убийстве которого теперь обвиняли Бергера. Приклеенная бумажка с надписью «Бабах!» также не давала никаких зацепок. Стальная проволока была прикреплена таким образом, чтобы пистолет выстрелил в тот момент, когда выдвигается ящик, «на уровне бедер», как вежливо выразилась криминалист.

Зачем? Конечно, Карстен хотел заманить их на крышу. Он прекрасно знал, кто там будет. Догадаться не составляло труда. Его выслеживал Стен, а то, что он подставит под удар Кента и Роя, можно было легко вычислить. Но Бергер?

Как Карстен мог узнать, что Стен втянет сюда Сэма Бергера?

Откуда?

И почему Стен так уверен, что выстрел из ящика стола

свидетельствовал о том, что Карстену нужен именно Бергер? Рассуждая логически, можно было предположить, что Кент с Роем пойдут первыми – может быть, Карстен рассчитал все так, чтобы пчел хватило на двоих, а вот как раз третий прибывший на место должен был войти в уже свободный от пчел домик и выдвинуть ящик. Но выходит, он знал, что Бергер – член сверхсекретной команды СЭПО. Что он будет третьим. Но откуда, черт возьми?

Кроме того, Стену явно известно, что Карстен об этом знал.

Все это не укладывалось у Бергера в голове. В любом случае, он был счастлив, что присел, прежде чем выдвинуть ящик. Давно уже он не испытывал ни к кому такой ненависти, как сейчас с Карстену.

Эта сволочь пыталась отстрелить ему член, и все это как-то связано с Молли Блум. Какая-то нездоровая ревность, которую Бергеру не понять. Каким образом Карстен мог знать мельчайшие подробности его с Молли отношений? О том, какими они были на самом деле...

И еще кое-что. Маленький конвертик, по которому с такой жадностью ползали пчелы, был намазан нектаром – любимым пчелиным лакомством. Внутри конверта лежало письмо, точнее, поздравительная открытка. Вот как описала ее криминалист: «На лицевой стороне открытки обнаружена одна единственная надпись, а именно обведенная в кружок единица, выведенная шариковой ручкой. На обратной сто-

роне, напротив, много мелкого текста, написанного от руки той же ручкой». А написаны две вещи – аккуратно и скрупулезно.

Первое:

*«Some say the bee stings: but I say, 'tis the bee's wax; for I did but seal once to a thing, and I was never mine own man since».*⁴

Бергер уставился на текст – сначала на рукописный, потом на напечатанный криминалистом. К чему все это, черт возьми?

Погуглив, он выяснил, что пчелы часто упоминаются у Шекспира. Он знал о пчелах куда больше своих современников. В пьесе «Генрих V» есть длинный монолог об организации пчелиных семей, а в «Генрихе VI» вождь восстания Джек Кэд как раз и произносит слова о пчелиных укусах и пчелином воске.

Если вчитаться, то понимаешь, что речь идет о контракте, о подписанном договоре. В шестнадцатом веке юридические соглашения скреплялись печатью из пчелиного воска. И по сравнению с силой контракта пчелиные укусы – это ничто, потому что если ты подписал контракт, ты уже никогда не будешь свободным.

Теперь что-то начало проясняться. Может быть, Карстен с помощью своих пчел хотел сказать: это ничто по сравнению с

⁴ Говорят, что пчела жалит; а я говорю: жалит пчелиный воск, потому что я один только раз в жизни приложил печать к какой-то бумаге и с той поры я сам не свой. (англ., пер. Е. Бируковой)

контрактом, который я подписал? Договор с дьяволом? Или с ИГИЛ? Или он намекал на что-то другое, на какой-нибудь контракт с СЭПО, с Августом Стеном?

В любом случае, Карстен не чувствовал себя свободным. Он явно принадлежал не только самому себе.

Криминалист лаконично добавляла: «Да, мы провели экспертизу воска. Там ничего».

Возможно, не буквально, подумал Бергер.

Что же это такое? Почему Карстен намекал на какой-то подписанный им договор, в котором он, похоже, раскаивался? Может быть, он хотел сказать, что у него не было выбора?

Вопрос повис в воздухе.

На бумажке, которую Карстен поместил в сладкий конверт, было написано еще кое-что.

А именно: «*like the Andalusian girls*».

И все.

Бергер вспомнил картинку в квартире Карстена. Фотографию с ульями вдоль холма, осликами, цветочными полянами. И Гибралтарской скалой. Это же Андалусия? И ведь это не случайно?

Наверное, Карстен как-то связан с Андалусией.

О каких андалусских девушках идет речь?

Тут в компьютере что-то произошло само собой. Вдруг открылось новое окно – изображение морского берега в темноте. В верхнем углу загорелась двойка. Камера наблюдения номер два. Из пяти камер наблюдения, установленных

на острове, вторая была одной из самых ближних; камера номер один располагалась прямо над входной дверью. Буря бушевала во весь экран, и все же на взволнованной водной поверхности довольно четко вырисовывалась белая борозда.

Бергер узнал это зрелище: ему уже доводилось наблюдать такое, хотя в тот раз частично в реальном времени. Большая птица приземлилась и исчезла из виду – тогда это был лебедь, на этот раз, скорее всего, тоже, только более проворный лебедь. Птица исчезла из поля зрения, прежде чем камера успела поймать ее.

Это в лучшем случае.

А в худшем на острове кто-то был. Но кто мог оставить на вспененной морской поверхности такой след? Во всяком случае, не человек.

На несколько секунд на экране появилась птица и снова исчезла. Похоже на гагу. Лишь увидев гагу, Бергер осознал, что с того момента, как на экране появилась проекция с камеры, он сидел, затаив дыхание. Тяжелый выдох чуть не заглушил сигнал, раздавшийся из динамика компьютера.

Бесконечный поиск был наконец завершен. С замиранием сердца Бергер нажал на «ОК», и перед его глазами предстала внутренняя сеть СЭПО. Через все уровни секретности ему не прорваться, но кое-что накопать можно. По крайней мере, можно начать собирать загадочный пазл под названием «Карстен».

Чтобы найти его.

Бергер всерьез надеялся, что ему представится возможность убить Карстена. Хотя вслух он бы никогда в этом не признался.

Компьютер вновь издал сигнал. Бергер закрыл глаза, поморщился. Только не надо сейчас никаких сообщений об ошибках, как бы не пришлось начинать снова поиск, который занял более суток. Больше всего он боялся, что не сможет еще столько ждать и вновь отправится нырять.

В толщу воды.

Но никаких сообщений об ошибке на экране не появилось. Просто пришло письмо. Еще одно письмо, но на этот раз от анонимного отправителя. Никакого текста, только файл в приложении. Все указывало на то, что это видеофильм. Бергер осмелился нажать на него. Появилось сообщение о том, что фильм зашифрован.

Бергер задумался.

Открыл полученное ранее письмо от Августа Стена с инструкциями на время нахождения на острове. Среди множества самой разной информации оно содержало ключ для расшифровки – программу, «предназначенную только для засекреченной коммуникации между тобой и мной, Сэм». Если удастся расшифровать видео, значит, оно напрямую от шефа из СЭПО. *Только для твоих глаз.*

Без особой надежды Бергер запустил программу и увидел, что видеоролик открывается.

Шипение. Изображение не фокусируется, остается мозаикой, пазлом, кусочки которого разбегаются, беспорядочно танцуют. Безумное подергивание пикселей, которые притягивают и отталкивают друг друга. Бесконечно долгое мелькание.

Но тут что-то происходит. Детали пазла медленно становятся на свои места. По мере того, как стихает шипение, выстраивается и картинка. Что-то похожее на картинку.

Темнота. Только на заднем плане виден свет. Камера, по всей видимости, стабилизируется. Кирпичная стена со следами плесени. Добротная, но слегка заржавевшая спинка стула. Большие ничего. Кроме профиля человека, который подается вперед, а потом откидывается назад, как будто его тянут невидимые резинки. Он с грохотом опускается на стул. Лицо видно нечетко, резкость направлена на стену позади фигуры, в которой все четче угадывается мужчина. А потом резкость переводится на лицо.

И лицо на удивление отчетливо вырисовывается в темноте.

Лицо человека показывается крупным планом, видна каждая черточка. Короткостриженные волосы напоминают стальную стружку вокруг магнита. Хорошо знакомый

взгляд направлен в камеру. Хорошо знакомый, но изменившийся. В нем без сомнений угадывается страх, беспокойство, внутренняя дрожь. Этот взгляд говорит, что надежный и стабильный мир внезапно рухнул. Взгляд, полный удивления, взгляд мужчины, который ничего подобного не ожидал. Ошарашенный взгляд поспешино свергнутого авторитета.

Раздается голос.

Тот же хорошо знакомый, но изменившийся.

– Мне удалось освободить руки, – произносит Август Стен хрипло. – Но ноги привязаны намертво. Микрокамера 4G всегда со мной, надежно спрятанная. Здесь ужасная связь, к тому же фильм получится переслать только по частям, буду отправлять по одной, когда удастся поймать сигнал. Я уже не говорю о слабом свете, проникающем неизвестно откуда. Но я постараюсь заснять все за один прием. Все, что я хочу сказать. Все, что я могу сказать тебе, Сэм Бергер. Именно тебе. Поскольку я не знаю, сколько мне осталось жить.

Начальник отдела СЭПО тяжело вздохнул. Потом слегка наклонился вперед и продолжил:

– Не знаю, кто меня взял, но это явно профессионалы. Я вышел из здания полиции, чтобы пообедать, хотя обеденное время уже прошло. Потом ничего не помню, очнулся уже в этом подвале, прикованный к стулу. Руки связаны, ноги в кандалах, на голове капюшон. И ни души. До сих пор я не

видел ни одного человека, не слышал ни единого звука. И я понятия не имею, где я нахожусь.

Теперь ты знаешь обстоятельства. Буду краток.

Апрель семьдесят шестого года, Сэм, ты еще не родился. Ночной клуб в районе Слюссен в Стокгольме. Мне тогда было двадцать четыре, и это было мое первое серьезное задание на службе в СЭПО. Я успешно провел прослушку, записал целую кассету ценной информации. Нашел подозреваемого в мужском туалете.

Я отшвырнул столик. Чувствуя за спиной поддержку двух надежных помощников, перешел сразу к делу.

– Нильс Гундерсен, – сказал я. – Солдат-наемник в Ливане. У меня есть запись.

Он посмотрел на меня непроницаемым взглядом.

– Запись? – спросил он.

– Да, кассета с записью. Твоих разговоров с известным албанским торговцем оружием, Исли Врапи. И вы там обсуждаете не совсем законные вещи.

Гундерсен посмотрел на меня в упор и ответил на шведском, явно указывающем на то, что не родной его язык:

– Поскольку мы сейчас разговариваем, я предполагаю, тебе что-то от меня надо?

– Твоя частная армия растет, – сказал я. – Сейчас самое время расширяться на Среднем Востоке. Ты добился больших успехов в мутной нише где-то между профессиональным убийцей и народным убийцей.

Я выдержал театральную паузу, но реакции не последовало. Я продолжил:

– Можешь и дальше заниматься тем, чем занимаешься. Работай на кого хочешь. Единственное, что тебе нужно делать, – это отчитываться каждый месяц. Лично мне. Иначе кассета окажется в других руках.

Нильс Гундерсен помолчал. Потом медленно кивнул.

Я завербовал его.

Гундерсен оказался просто находкой, бесценным ресурсом на Среднем Востоке. Пока он поставлял сведения, мы предоставляли ему возможность заниматься своей сомнительной деятельностью. Я отчитывался напрямую руководителю СЭПО, мои отчеты классифицировались как информация повышенной секретности и отправлялись в самые глубины архива. Но это не значит, что сведения от Гундерсена никак не использовались. Наоборот. Только вот источник оставался совершенно секретным, я был единственным, кто знал о нашем главнейшем ресурсе в арабском мире.

Тогда время джихада еще не наступило. А когда оно пришло, после войны в Афганистане, оказалось, что я обладаю самой существенной информацией. Благодаря Гундерсену я быстро продвинулся по карьерной лестнице, мне трижды предлагали возглавить СЭПО. Каждый раз я отказывался. У меня было больше власти в моих собственных владениях. И больше возможностей защитить Швецию с той позиции,

которую я занимал. До сегодняшнего дня. Сегодня я лишен каких-либо позиций. Я, скорее, ближе к смерти, чем к власти.

В афганском освободительном движении участвовало довольно много фрилансеров, нанятых Центральным разведывательным управлением США. Одним из них был Нильс Гундерсен, за которым на тот момент стояла большая и хорошо обученная армия наемников из разных стран. Именно тогда он устанавливал контакты, имеющие решающее значение для Швеции. Если не сказать для всего западного мира.

Во время последующего пребывания в Ираке Нильс Гундерсен сблизился с одним из главных экспертов по исламизму, профессором и имамом из Багдада. Этот человек тогда возглавлял довольно сильное движение за модернизацию ислама. Для него духовное будущее было неразрывно связано с отказом от буквальной, средневековой и авторитарной версии ислама. У профессора уже давно работала сеть на местах, по большому счету по всему мусульманскому миру, которая должна была предупреждать о любых попытках насадить воинствующий исламизм. Однако положение становилось все более критическим, его жизнь оказалась в опасности, он постоянно находился под угрозой, которая стала особенно острой теперь, на последней стадии войны в Персидском заливе. Для того чтобы выжить, профессор был вынужден покинуть страну. Забрав с собой все свои знания

и разветвленную сеть.

Гундерсен понимал, какую ценность имеет этот человек. Он обеспечил профессору безопасные секретные воздушные пути и снабдил супругов фальшивыми документами. Главное было не оставить ни малейших следов, которые могли бы привести к новой стране проживания профессора.

Все прошло успешно. До недавнего времени только я знал, что профессор скрывается в простой квартире в доме, построенном в рамках социальной жилищной программы на улице Стюпвэген в Соллентуне, под именем Али Пачачи.

А сейчас об этом знают многие, в том числе те, кому об этом знать не надо бы, и все благодаря кроту по имени Карстен.

Когда я заподозрил, что в нашем внутреннем круге завелся шпион, – еще до того, как эти опасения подтвердились, – я удалил все сведения из архива СЭПО и вывез супругов Пачачи из Соллентуны.

Я – единственный человек в мире, кто знает, где они находятся.

Если меня взял Карстен – а похоже, так оно и есть, – он воспользуется всеми имеющимися в своем распоряжении методами, чтобы заставить меня заговорить. А я точно знаю, какие методы есть у него в распоряжении.

Но ему меня не расколоть, Сэм.

Я ничего не скажу.

Среда, 2 декабря, 16:49

Ди забыла код от входной двери. Или он поменялся?

Так или иначе, было понятно, что она очень давно не набирала цифры кода на дверях дома на улице Плуггатан в Стокгольме.

Ди подождала. Сгущались сумерки. Пустынная маленькая улочка. С юга архипелага только что налетела жуткая пурга. В столицу пришла зима.

Вопрос состоял в том, имеет ли смысл ждать, пока кто-нибудь из соседей захочет выйти в метель, или, наоборот, укрыться от нее. Поблизости, по крайней мере, никого и в помине не было.

После минутных колебаний Ди вынула из кармана отмычку.

В рутинной полицейской работе она чувствовала себя неопытной. Однако то, чем она занималась в последнее время, рутинной работой никак не назовешь. Скорее наоборот.

В конце концов замок поддался. Естественно, тут же на лестнице она столкнулась с жильцом дома. Молодой человек с подозрением уставился на отмычку, которую Ди не успела спрятать в карман куртки. Непринужденно кивнув, Ди пошла вверх по лестнице. Она чувствовала, как он продолжает смотреть ей в спину, пока не скрылась в следующем пролете.

На мгновение она услышала завывание ветра внизу, потом дверь в подъезд захлопнулась и снова стало тихо.

В этот раз подняться на четыре этажа оказалось гораздо труднее, чем в последний раз, когда она была тут. Запыхавшись, она подошла к двери с надписью «Линдстрём и Бергер».

Прямо так и написано.

Прошли годы с тех пор, как Фрейя Линдстрём бросила Сэма Бергера и эмигрировала с их общими сыновьями-близнецами, а ее имя до сих пор красуется на двери. Вернее, ее прежнее имя – как ежедневное мазохистское напоминание. Теперь у нее какая-то французская фамилия. По словам Бергера, Париж полностью поглотил ее.

Ди постояла, отдышалась. Вновь достала отмычку и поднесла ее к замку. На этот раз все получилось на удивление легко – не самый достойный замок для полицейского. Даже если это бывший полицейский.

Дверь отворилась, Ди вошла в квартиру. Некоторое время постояла в темноте прихожей, впитывая в себя атмосферу. Тепло, влажно, затхло. Может быть, ей только так показалось, но в самом воздухе чувствовалась заброшенность. Хотя вряд ли тот факт, что Бергер отсутствовал в последний месяц, мог оставить следы в воздухе. Значит, это самовнушение, мысленное предубеждение, которое отразилось на работе органов чувств. Но было тут и еще кое-что. Другой запах, который показался ей знакомым. Слабый запах антисептика,

как будто здесь убрались явно меньше месяца назад, а может быть, и дезинфицировали помещение.

Было настолько темно, что Ди пришлось зажечь фонарик. Она сделала еще несколько шагов по коридору. На долю секунды ей показалось, что со стороны на нее нападает ничем не примечательная женщина средних лет; к счастью, она быстро поняла, что это она сама отражается в зеркале во весь рост. С колотящимся сердцем она прошла мимо закрытой двери в ванную, бросила беглый взгляд налево, в погруженную в темноту спальню Бергера, а секунду спустя повернула голову направо, в сторону гостиной. Там также были опущены жалюзи, все было погружено в какой-то искусственный мрак.

Когда Бергер был здесь в последний раз?

Вряд ли он сунулся бы сюда, будучи в розыске, а до этого он понятия не имел, что придется бежать со всех ног. Шторы в спальне – это одно, но зачем опускать жалюзи в гостиной? К чему вся эта темнота? Может, конечно, он в принципе воспринимал свою жизнь довольно сумрачной; стоило ему прийти домой, как вокруг него сгущалась тьма. Но на Сэма это не похоже.

Другое возможное объяснение – что он не сам это сделал; кто-то другой погрузил квартиру во мрак. Но зачем? И кто? И когда?

У входа в гостиную она помедлила. Засиженные кресла и диван перед последним в Швеции телевизором с толстым

экраном. На барном столике батарея бутылок с виски, но в каждой напитка на самом доньшке. На стеллаже пыли больше, чем книг. Рядом с дверью во вторую спальню – бывшую комнату мальчиков – комод с выдвинутым нижним ящиком. Ди направилась туда.

Не успела она наклониться и констатировать, что ящик почему-то пуст, как услышала звук. Лишь когда звук уже растворился в тишине, в голову пришла первая мысль. Столовые приборы. Стук приборов. Вилка, которую положили в ящик с другими вилками. Вот такого плана звук.

Которого быть явно не должно.

И все-таки этот звон прозвучал.

Ди не могла придумать ни одного разумного объяснения. Конечно, вилка могла лежать на краю у раковины и именно в этот момент упасть. И все же достаточно оснований для того, чтобы приготовить оружие.

Ди бесшумно достала пистолет. Холод приклада прорезал сумрачную духоту воздуха. Конец темного коридора совершенно неожиданно оказался освещен. Свет лился оттуда, где, по ее воспоминаниям, находилась кухня. Держа пистолет перед собой, Ди скользила по коридору. Впереди брезжил свет – слабый, неподвижный, холодный – никаких признаков движения в кухне отсюда не было видно. Ни звука, ни тени. Ди прошла мимо закрытой двери, видимо, в гардеробную, а затем заглянула в проем кухонной двери. Дверь слегка заскрипела.

Ди осмотрела кухню. Сквозь немытое окно проникал слабый свет от уличного фонаря, неровно освещая кухонную утварь. Должно быть, звук исходил со стороны ящика с приборами, который стоял у мойки, но вычислить его происхождение было невозможно. Ничего не могло упасть просто так. Тут вообще не было никаких признаков жизни.

И все-таки.

Она наклонилась к окну и вдруг что-то ощутила. Какою-то перемену. Возможно, легкое изменение давления, или едва уловимый звук, или запах. Может быть, слабый запах антисептика, заставивший Ди со скоростью, которой она сама от себя не ожидала, присесть на корточки и обернуться. Когда к ней вернулось что-то, напоминающее поле зрения, она обнаружила, что ее пистолет направлен прямо на тело.

А тело, в свою очередь, направляет пистолет на нее.

Mexican standoff.

Позади тела – открытая дверь в гардеробную. Пистолеты слегка подрагивали в руках, но сомнений в том, что каждый из них может произвести смертельный залп, не было.

Время остановилось.

В нерешительном бледном свете медленно опустилась пылинка. Промелькнула где-то на периферии поля зрения. Проводив ее взглядом, Ди произнесла хриловатым голосом:

– Признайся, что не принимала душ с тех пор, как покинула больницу.

Тело за кухонной дверью слегка дернулось, не опуская пистолета.

– Что?

– Ты переоделась, – продолжала Ди, все так же держа оружие на взводе, – Но душ не приняла. От тебя по-прежнему пахнет больницей.

– Мне слишком многое пришлось пережить, – сказала Молли Блум.

– Может быть, опустим пистолеты? – предложила Ди.

– Сначала ты, – ответила Блум.

– Я не знаю, чего от тебя можно ожидать, – сказала Ди, по-прежнему держа пистолет наготове.

– И при этом ты несколько дней сидела у моей постели, – заметила Блум.

– Ты же была без сознания, черт возьми! – воскликнула Ди. – Ни за что не поверю, что ты притворялась. Не настолько ты хорошая актриса.

– Ты понятия не имеешь, какая я актриса, – ответила Блум. – Нет, я прочитала в журнале у охранника.

– А я думала, охранник в основном спит, – сказала Ди и опустила пистолет.

Молли Блум сделала то же самое.

Они долго смотрели друг на друга.

– Нам, наверное, следовало бы обняться, – произнесла наконец Ди.

– Вы меня спасли? – спросила Блум, не убирая пистолет. –

Пришли в ту заснеженную избушку и вытащили меня?

– Ты сама себя спасла, – сказала Ди, также не торопясь убрать оружие. – Мы опоздали на несколько минут. Но мы вызвали вертолет скорой помощи и подняли тебя. Я поехала с тобой. Тебе оказали помощь. Ты лежала в коме. А тут вдруг не только пришла в сознание, но и оказалась достаточно бодрой и ловкой для того, чтобы поменяться местами с покойницей по имени Ханна Дунберг.

– Ханна Дунберг?

– Судя по имеющимся у меня сведениям, да. Так что произошло?

– Я очнулась. Поняла, что мне надо уходить. Нашла выход из ситуации. Ничего странного.

– Хотя ты лежала в коме, за тебя дышал респиратор. Ты была на волоске от смерти.

– Разве это не естественное для меня состояние?

Ди помолчала. Она рассматривала Блум, пыталась охватить взглядом весь ее образ. Новая одежда, это да, обувь на высокой платформе, кожаная куртка в заклепках – безумная готическая одежда, никак не вяжущаяся с имиджем Молли Блум. Только что купленная? Значит, она и домой не заходила? Почему? Потому что ее разыскивают? Потому что она знала, что ее разыскивают? Значит, она что-то помнит. Вопрос в том, насколько много. Ди заговорила, тщательно взвешивая слова:

– Ты заглядывала в журнал охранника. Журнал висел пря-

мо у него за спиной. А врачебный журнал ты тоже смотрела?

Бесстрастное выражение впервые изменило Молли. Брови быстро взметнулись вверх – скепсис, любопытство. Кажется, Ди зашла не с той стороны.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Блум.

– Ты знаешь, что я навещала тебя в больнице, но что тебе самой известно о твоём состоянии? Ты знаешь, насколько ты больна?

– Думаю, знаю. Я очнулась, почувствовала себя здоровой и ушла.

Ди мысленно выдохнула. Значит, ничего лишнего она не сказала. Блум ничего не знает о своей беременности. А сейчас вряд ли подходящий момент для такой судьбоносной новости. Только не сейчас.

– И вот ты здесь, – произнесла Ди, обводя руками темную квартиру, и засунула пистолет в кобуру.

Блум посмотрела на нее и сделала то же самое.

– Да, – ответила она. – Теперь я здесь.

– В квартире Сэма Бергера, – уточнила Ди. – Почему?

– Я погуглила, – сказала Блум. – Он находится в розыске.

В государственном розыске. Он убил того, кто пытался убить меня.

– Ты прекрасно знаешь, что Бергер его не убивал.

– Вот именно. Поэтому я и здесь.

– Ты хочешь его разыскать?

– Или хотя бы выяснить, что происходит.

– Это ты опустила жалюзи? – спросила Ди. – Ты погрузила квартиру в темноту и вытащила все из ящиков комода?

– Я тебя о том же собиралась спросить.

– Значит, СЭПО? – Ди глубоко вздохнула. – Вот откуда эта неожиданно упавшая вилка. Но почему они не замели следы?

– Это была ложка, – поправила Молли и, кажется, слегка улыбнулась.

– Внутренний отдел допрашивал меня пару дней, – сказала Ди. – Они хотели знать мельчайшие подробности о той операции внутри страны. Но их не очень волнует, где находится Сэм. Что наводит меня на мысль о том, что тут замешана Служба госбезопасности. А ты из СЭПО, Молли. Ты понимаешь, о чем идет речь.

– Меня как раз и тревожит то, что я должна бы это понимать, – ответила Блум.

– И поэтому ты пришла сюда?

– Да, чтобы попытаться найти Сэма.

– И я тоже, – сказала Ди. – У тебя есть какая-нибудь версия?

Молли в первый раз внимательно посмотрела на Ди. Взгляд более жесткий, но все же за ним скрывалось нечто совсем другое.

– Вы действительно выпрыгнули из штанов, чтобы найти меня, – сказала Блум.

– И опоздали на несколько страшных минут.

– И все-таки не опоздали. Вы спасли мне жизнь. Полагаю, я должна поблагодарить тебя, Дезире. Я готова это сделать, но сотрудничать с тобой не собираюсь.

Ди кивнула.

– Тогда будем действовать каждая сама по себе, – согласилась она. – Думаю, ты уже успела осмотреть квартиру более тщательно, чем я. Ящики комода вывернуты?

– Почти все. Зубная щетка исчезла.

Ди снова кивнула.

– Значит, он, по крайней мере, жив, – сказала она. – Они пришли сюда без него, собрали его вещи. Опустили жалюзи, чтобы их никто не заметил. Но почему не подняли снова?

– Потому что это не имеет значения, – предположила Блум. – Они не оставили после себя следов. Тут ничего не найти. Мы пришли сюда напрасно, и ты, и я; но если хочешь – продолжай искать. Во всяком случае, я уйду. Надеюсь, ты не собираешься меня удерживать.

Женщины не шевелились. Устало рассматривали друг друга.

Потом Ди протянула руки. Блум подошла к ней. Они обнялись, ощущая обоюдную неловкость. Но все получилось на удивление искренне.

Наконец Молли направилась к двери. И замерла на пороге, держась за ручку. На секунду Ди подумала, что она хочет что-то сказать – что-то, что трудно выразить словами, – но Молли только подмигнула и скрылась за дверью.

Какое-то время Ди стояла и смотрела ей вслед, потом подошла к комоду, стоящему возле входа в комнату близнецов. Выдвинула три верхних ящика. Вещи, которые там остались, были явно женские и детские.

Ди заглянула в комнату мальчиков. Тут никаких признаков сумасшествия, никакого мавзолея, никакой священной земли, но такое ощущение, что комната выглядела ровно так же, как в день исчезновения близнецов. На нижней незастеленной кровати валялось что-то похожее на пижамные штаны восьмилетнего мальчика.

Сэм Бергер просто закрыл дверь и никогда не открывал ее.

Ди постояла, потом прогнала морок и прошла в гостиную. Подошла к окну и заглянула в щелку жалюзи. На улице по-прежнему бушевала метель, было трудно что-то разглядеть. Когда же ей удалось сфокусировать взгляд, она увидела под окном Молли Блум и тут же отпустила раздвинутые полосы жалюзи.

Блум это видела.

Разумеется, видела.

Среда, 2 декабря. 17:16

Молли Блум вышла в темноту и встретилась лицом к лицу с устрашающей бурей. Она подняла расшитый заклепками воротник кожаной куртки и обернулась на окна квартиры Сэма Бергера.

Молли различила едва заметную щель в опущенных жалюзи и встретилась взглядом с комиссаром Дезире Русенквист. Щель тут же исчезла, а Молли Блум отправилась в путь. Она обошла квартал, направилась самой неудобной дорогой, через снежную кашу, к самой заброшенной части Бундегатан, где та уже плавно переходила в Барнэнгсгатан, а от первоначальной улицы оставался лишь аппендикс. Тут, вдали от камер наблюдения, которых так много развелось в городе, стоял заброшенный с виду старый автомобиль «Вольво».

Блум подошла к нему, быстро огляделась по сторонам и присела на корточки. С грязного асфальта, прямо из-под машины, она достала продолговатый предмет, напоминающий металлическую линейку. Быстро засунула его в щель в окне у водительского сиденья и нажала на кнопку открывания двери. Стряхнула с ботинок мокрый снег, села в машину и завела мотор, соединив два проводка. Как хорошо, что в мире еще остались старые автомобили.

Перед тем, как включить первую скорость, она засунула руку в карман кожаной куртки и порылась там. Достала то, что искала, – удивительно, не промокло. Молли посидела, вертя в руках и разглядывая маленький конвертик из квартиры Бергера. Выглядит как конверт для поздравительной открытки, заклеен. Наконец Молли вздохнула, бросила конверт на пассажирское сиденье, не открывая, и тронулась с места.

Тихими улочками и задворками вырулила на Нюнэсвэген и поехала в южном направлении. Метель, которая пришла как раз оттуда, куда направлялась Молли, теперь стихла – скорее всего, ушла дальше на север. В конце концов и ветер, и снегопад почти прекратились. Мягкий тихий вечер.

Зазвонил красный телефон.

Молли ответила не сразу.

– Да?

Пару секунд она слушала молча. Чувствовала, как бледнеет.

Затем время приняло совсем другие формы, исключительно целенаправленные. Интересно, до какой скорости можно разогнать такую старую машину, подумала Молли.

Вдавила газ. Время подстегивало ее, гнало вперед. Молли разогналась до ста восьмидесяти и не отпускала педаль газа. Напичканные электроникой современные автомобили вокруг, казалось, просто стояли на месте.

Проехав несколько десятков километров в сгущающей-

ся темноте, Молли свернула на небольшую дорогу, которая вскоре еще больше сузилась и в конце концов превратилась в едва заметную колею, пролегающую через лес. Это ралли по извилистой лесной тропинке казалось ей бесконечным. Стволы деревьев выглядели мертвыми в призрачном свете фар; лиственный лес без листьев.

У Молли возникло ощущение, что дико ревушая старая «Вольво» перенесла ее в другое временное измерение. Архаичное. Где на иссохших ветвях деревьев висят трупы. А вороны выклевают им глаза.

Молли просто давила на газ. Газовала и рулила, стиснув зубы так сильно, что сводило челюсть.

Перед ней развернулся ад.

Вдали появилась опушка. Она становилась все шире, пока не превратилась в настоящее поле – древнее поле, еще времен сотворения мира. За ним лес снова сгущался, лиственный лес сменялся хвойным. За плотным рядом деревьев был едва виден фасад дома.

Молли резко свернула с дороги и подъехала к тому, что когда-то было участком. Каменный дом выглядел совсем допотопным. Молли подъехала к самой двери, выскочила из машины. Дрожащими руками вытащила ключи. Перекошенная дверь была заперта на три замка. Молли отперла все три настолько быстро, насколько позволяли человеческие силы.

Открыв дверь, Молли почувствовала, что темнота засасывает ее. Дверь за ней закрылась, помещение погрузилось в

полный мрак.

Она достала фонарик, включила его, бросилась вниз по крутой каменной лестнице, ведущей в подвал.

Это бежала уже не Молли Блум.

Это не Молли Блум почувствовала, как на нее пахнуло плесенью, как изо рта умирающего от чумы. Она нырнула все глубже в средневековье.

Та, что уже не была Молли Блум, оказалась в маленьком, полностью изолированном от внешнего мира пространстве. Новая дверь, новый замок, новый ключ, дрожащий в руке. Каким сырым может быть холод. Дверь открылась с каким-то неземным скрипом. Безутешные скачки фонарика по каменным стенам. Массивная темнота.

Чернота.

Новая дверь, укрепленная. Предчувствие бетонного пола у порога.

Новый ключ. Новый свет, пока открывается дверь. Слабый фоновый свет, однако достаточный для того, чтобы выделить абсолютный центр подвальной комнаты.

Сидящий человек.

Вот она и пришла. К самому центру.

К центру тьмы.

Человек сидит в углу, совершенно неподвижно, на голове черный капюшон, от стула до стены в каждую сторону не больше метра, дальше стена, неровная кирпичная кладка, как будто каменщик, работавший здесь двести лет назад,

был слегка пьян.

На кирпичных стенах впереди и позади человека, сидящего на прикрепленном к полу железном стуле, виднелись следы плесени. Руки у человека были заведены за спину, как будто все еще связанные.

Молли подошла ближе. Схватила за черный капюшон. Отдернула его.

Короткостриженные волосы мужчины напоминали металлическую стружку вокруг магнита. В сером взгляде начальника отдела СЭПО не осталось и следа стали.

Лишь удивление.

– Молли? – прошептал он.

Молли Блум вытащила пистолет и выстрелила в него.

Три точных выстрела прямо в сердце.

Во мгле повисла тишина.

II

14

Четверг, 3 декабря, 11:49

Сэм Бергер просматривал видео в пятнадцатый раз, но на сегодня – в первый. Фильм закончился, Сэм продолжал смотреть на экран – черный, за исключением нескольких пятен непонятного происхождения. Может быть, отпечатки его пальцев? Возможно, он накануне коснулся пальцами экрана, сам того не сознавая? Или капли пота?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.